

Виктор Сеньга

A painting of a man in a dark coat and white shirt, looking down, with a group of people in the background. The man is in the foreground, looking down with a somber expression. In the background, a group of people in 19th-century attire are gathered in a snowy, wooded area. One man in a top hat and long coat is prominent, interacting with others. The scene is set in a winter landscape with bare trees and a snow-covered ground.

**Пуговица
Дантеса**

Виктор Сенча

Пуговица Дантеса

«Алгоритм»

2019

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Сенча В. Н.

Пуговица Дантеса / В. Н. Сенча — «Алгоритм», 2019

ISBN 978-5-907120-33-4

Виктор Сенча – писатель, публицист; по образованию военный врач-эксперт и юрист. В своей книге «Пуговица Дантеса» исследует причины гибели великого русского поэта. И не только. Со смертью Пушкина его дуэль не закончится – она продолжится в рамках уголовного процесса военного суда, во время заседаний которого убийца будет выгораживать свою испачканную кровью честь. Долгое время так называемое «Подлинное военно-судное дело 1837 года» по факту дуэли Пушкина с Дантесом было засекречено. Что скрывалось за секретными печатями, читателю и предстоит узнать. Сама же пуговица убийцы Дантеса – как предмет – отнюдь не вымысел автора. Она встречается в воспоминаниях свидетелей, став со временем легендарным предметом-загадкой, вокруг которого сломаны тысячи исследовательских копий. И причиной этого стала её тайна, которую автору удалось раскрыть на страницах своей книги. Как и многие другие тайны, связанные с именем гения русской литературы А.С. Пушкина.

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-907120-33-4

© Сенча В. Н., 2019
© Алгоритм, 2019

Содержание

Вместо предисловия[1]	5
Глава I	9
Глава II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктор Сенча

Пуговица Дантеса

Вместо предисловия¹

*Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*

А. Пушкин

Александр Сергеевич Пушкин... «Наше всё», как сказал однажды о поэте Аполлон Григорьев. Спорить с этим так же бессмысленно, как подвергать сомнению великодержавность России. Даже при написании первых строк абзаца для меня ограничиться одним лишь «Пушкин», признаюсь, выглядело бы неким «святотатством». И это вполне объяснимо. Во-первых, Александр Сергеевич был и остаётся не просто писателем: он — Поэт. Великий. Знаменитый. Любимый. А во-вторых, «наше всё» — это и есть Наше Всё. От Лукоморья, где дуб зелёный, до Онегина с Ленским, а также Пугачёвым.

Александр Пушкин для русского народа и отечественной литературы — нечто большее из всего того многого, оставленного нам предками (вспомним: «Поэт в России больше, чем поэт»). Пушкин — это Явление. Огромное и самобытное, почти неестественное, преобразовавшее не только нашу литературу, но и искусство в целом. И когда толкуют о гениальности Байрона, Гейне или, скажем, Уитмена, нам остаётся лишь пожимать плечами — единственное, что может себе позволить самодостаточный человек. Именно в этом, на мой взгляд, и заключается скрытый феномен Пушкина: он сделал нас самодостаточными.

Считается, разделять чьё-либо творчество на раннее и позднее, пусть даже условно, не совсем этично. Творчество всегда едино. Другое дело, оно либо талантливо, либо — нет. Когда же речь заходит об исключительной одарённости, в таком случае имеет место только одно: с годами талант, подобно хорошему вину, лишь «загустевает», набирая необходимую зрелость. Начавшись с невинного стихика, творчество литератора порой способно дорасти до заоблачных высот. Если, конечно, успеет.

Как бы ни были гениальны произведения Пушкина-лирика и Пушкина-прозаика, к сожалению, можно лишь констатировать, что в свои тридцать шесть он сделал лишь самую малость из того, что мог бы. Он просто ничего не успел! И десятки пушкинских романов и сотни стихов так и остались ненаписанными... И в этом весь трагизм ранней смерти «гения русской литературы». Именно поэтому тайна гибели Поэта уже почти как два столетия не даёт нам покоя; каждый из нас никак не может смириться с тем, что «Онегина» с нами давно уже нет. Ведь этого, понимаем мы, не может быть — потому что не может быть никогда!

¹ Впервые (в сокращённом варианте) этюд под названием «Роковая дуэль» опубликован в литературном журнале «Москва» за 2017 г., № 2.

Когда же речь заходит о той страшной дуэли на Чёрной речке, нам с невероятной скрупулёзностью хочется разобраться, докопавшись до самой сути, в причинах давней трагедии. Как и почему Его не стало? – вот в чём вопрос. И напоследок (скорее, от отчаяния) не помещало бы указать пальцем – нет, даже не на непосредственного убийцу, – а на кого-то ещё. Например, на докторов, не сумевших спасти «солнце русской поэзии»; или, скажем, на Самодержца, хладнокровно наблюдавшего за травлей Пушкина, закончившейся трагедией.

О чём это я? Да всё о том же – о справедливости. Трудно смириться с непоправимым. Даже спустя почти два столетия. И, уверен, пройдет ещё столько же (и десяток раз по столько!), а боль утраты от этого всё равно не утихнет. Подозреваю, она станет ещё острее и животрепещущей. Потому-то нас с такой силой тянет к истокам трагедии, разыгравшейся в январе 1837 года на окраине Петербурга. Впрочем, поединок Пушкина с Дантесом уже навсегда воспринимается исключительно в нарицательном значении: роковая дуэль...

* * *

...Всё произошло настолько внезапно, что никак не укладывалось в голове. Всего несколько секунд назад перед его глазами был виден ненавистный силуэт соперника. После сигнала Данзаса они начали сближаться. Один шаг, второй...

Хотелось бежать, а не плестись. Чтоб одним выстрелом быстрее покончить с негодяем. Нет, сегодня не будет «благородных выпадов» в воздух или в близлежащие кусты, коими сопровождалась его поединки с Кюхлей или задирой-генералом. То были игрушки, баловство, некое подражание настоящей дуэли. Теперь другой расклад. Здесь, на Чёрной речке, всё по-настоящему. Либо он, либо – его. В любом случае, скоморошничать никто не собирается. И выстрелов в небо не будет! Сегодня все узнают, как он умеет стрелять. Хотя никто даже не догадывается, куда последует выстрел. Главное – успеть...

О, эти муравьиные шажки! Они ни на йоту не приближают к подлому сплетнику. Выстрелить – и покончить со всем одним махом! А потом уехать в деревню вместе с Натали и детишками... Он и они. И никого больше. Одни! Тишина, уединение и свобода. Свобода! Что может быть лучше?! Прочь условности, этикет, ставшая навязчивой привычка оглядываться... Он будет спокойно писать – столько, сколько душе угодно. Лишь бы хватило времени. Время – вот что стало настоящим дефицитом. Будто рыба об лёд... Подмётные письма, тревожные переживания и думы... Эти думы буквально сводят с ума. Днём думы, а ночью – кошмары. Постепенно и сама жизнь превратилась в единый кошмар...

Ещё один шаг... Какой-то неловкий, и вновь муравьиный. Где-то рядом, сразу за мушкетерской длиннотой кухарей, чернеет контур врага. Промануться невозможно – на этот раз он просто не имеет на это права! Промануться ещё больше. Сегодня не ваш день, господин Дантес!..

Рядом на опушке воеет собака; в стороне вдруг закаркал встревоженный ворон. Не каждый день в зимнюю стужу сюда наведываются люди. Не к добру. Старый ворон знает, чем заканчиваются подобные сходы...

Всё непременно закончится кровью, таковы условия дуэли. Иначе никак. Позор навета должен быть смыт кровью подлого клеветника! Виновник всех бед, он понесёт заслуженное наказание. Поэтому идти навстречу пистолету было не страшно. Хотелось одного – побыстрее выстрелить. Бежать и стрелять. Чтобы всё, наконец-то, закончилось, и все закрыли рты. Окропив снег, кровь врага смывает позор. Ну а теперь – не промахнуться...

Четвёртый шаг давался словно во сне... После пятого оказался у барьера – иштели Данзаса. Не сон ли это в самом деле? Пистолет от мастера Ульбриха – штука серьёзная, бьёт не щадя. Можно стрелять прямо с места. При точном попадании в грудь или голову шансов спастись никаких. Но в том-то и дело, что издали да при сильном волнении промахнуться

проще простого. Поединок – игра нервов: можно победить и до выстрела... Очень важно показать противнику своё к нему пренебрежение. И только абсолютное спокойствие способно это продемонстрировать. Поэтому он будет хладнокровен, а стрелять начнёт, хорошо прицелившись. Ещё секунда – и всё закончится...

Противный треск спереди совпал с сильным ударом, отозвавшимся резкой болью в правом боку. Удар оказался такой силы, что в глазах закружилось, и всё полетело в тартарары. Когда он через несколько секунд приоткрыл веки, перед ним блестел иссиня-белый снег. Такой холодный и торжественный. Как саван... Под грудью лежала шинель секунданта, холодная и какая-то безжизненная. Где-то далеко противно кричал ворон...

От этого крика он мгновенно пришёл в себя. По-видимому, на какое-то время сознание покинуло тело. Но шум ветра и воронье карканье вернули к действительности, заставив вспомнить о дуэли. В правой руке чернел пистолет. О-не-ре-дил... Тот, который стрелял в него, опередил. По-видимому, выстрелил уже на четвёртом шаге. Какая досада! Попробовал перевернуться с живота на бок, но тут же, застонав, затих. Нестерпимая боль резанула низ живота, ударила куда-то в ногу. Мutilо. Рядом склонился подоспевший Данзас, с испуганным бледным лицом. Нет, дуэль продолжится... Он ещё жив, и есть силы сделать свой выстрел... Приподнялся на локте и еле сдержал стон. Как-то странно онемели ноги. Такое чувство, будто весь в чём-то липком... Кровь?..

Потянул из снега пистолет. За ним выстрел. Отказаться – показать свою слабость и неспособность защититься. Странно, голова теперь работала нормально. В отличие от тела. Ноги... И бок. А ещё это... липкое.

Рядом с лицом Данзаса мелькнуло другое – секунданта Дантеса, господина д'Аришака. Невдалеке стоял ненавистный Дантес. Он его не видел – только чувствовал. Каждой клеточкой раненого тела. Кто-то предложил прекратить поединок. Это уж слишком!

– Attendez! je me sens assez de force pour tirer mon coup...²

Даже несколько слов, сказанных по-французски, для истекавшего кровью тела оказалось достаточно, чтобы едва вновь не потерять сознание. Голова закружилась, склоняясь на грудь. По крайней мере, он своё слово сказал: дуэль продолжится.

Недалеко возился взволнованный Данзас. Пистолет, который Пушкин продолжал сжимать в онемевшей руке, оказался забит снегом. Чувствительный к влаге, заряд мог подвести, поэтому следовало произвести замену. Хотя времени в обрез: лицо раненого, потерявшего много крови, можно сравнить разве что со снегом. Правда, оно не отливало синевой, большие напоминая восковую, неживую маску.

Дантес нехотя возвращался к барьеру. Секундант Данзас занимался пистолетами. Последнее не понравилось г-ну д'Аришаку, который начал было возражать против замены оружия. Однако Дантес подал тому знак о своём согласии.

Когда рука вновь почувствовала тяжесть пистолетной рукоятки, волнение, наконец, улеглось. Он вдруг успокоился. Теперь можно стрелять. Значит – отомстить. В этот момент желание отомстить велико как никогда. Всё остальное не имеет никакого значения. Ни чудовищного ранения, ни страха. Только оно – это непреодолимое желание выстрелить. С трудом упирился левой рукой в снег, который предательски проваливался, усиливая нестерпимую боль и мешая хорошенько прицелиться. Пистолет поднимался слишком медленно, напоминая пудовую гирию. Этот «ульбрих» был слишком тяжёлым, чтобы можно было прицелиться наверняка.

Что-то мешало – то ли слеза, скатывавшаяся с прищельного глаза, то ли дрожащая мушка. Слеза не от боли – от холодного ветра, не прекращавшегося все последние дни. Слепящийся глаз долго не может отыскать цели. Цель – силуэт по другую сторону барьера.

² Дословно: – Подождите! Я чувствую в себе достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел...

Попасть в человека, стоящего к тебе вполоборота на значительном расстоянии, не так-то просто. Ха, да он, этот франт-французишка, испугался! Именно сейчас, когда его противник почти недвижимо валяется на снегу. Под прицелом страшно любому – даже самому отважному. Пусть побоится. Прикрывает грудь рукой, ёжится... Грудь ни при чём, ведь пуля уйдёт не туда... А ну-ка, господин Дантес, почувствуй вкус собственной крови!

Выстрел сильно отдал в руку, отозвавшись во всём теле нестерпимой болью. Но это раненого уже ничуть не занимало. Его пристальный взгляд был устремлён в одну точку – к Дантесу. Мгновенно рассеивавшийся пороховой дым открыл отрадную картину: противника не было. Француз повержен; недруг упал, сражённый ответным выстрелом. Его выстрелом!

– Bravo!..

И только теперь его горячая голова коснулась приятного холода синеватого в сумерках снега...

Глава I

«...Обычай поединка является среди цивилизации как символ того, что человек может и должен в известных случаях жертвовать самым дорогим своим благом — жизнью — за вещи, которые с материалистической точки зрения не имеют значения и смысла: за веру, родину и честь. Вот почему обычаем этим нельзя поступаться. Он имеет основание то же, что и война».

В. Спасович, известный царский адвокат

...1836 год для Пушкина не задался с самого начала. 29 марта умерла мать, Надежда Осиповна. Ещё не старая, она давно болела, по причине чего сын почти ежедневно появлялся у родителей, не решаясь ехать в Москву, где ждали неотложные дела, связанные с его новым журналом «Современник». Однако, несмотря на старания врачей, Надежда Осиповна скончалась.

По желанию покойной, Пушкин похоронил матушку в Святогорском Успенском монастыре рядом с её родителями — Осипом Абрамовичем Ганнибалом и Марией Алексеевной. Для поэта смерть матери стала тяжёлой утратой, заставившей задуматься о бренности собственного бытия. В те же дни, внеся в монастырскую кассу определённую сумму, он выбрал место и для себя. Ему нравилось местное кладбище — «ни червей, ни сырости, ни глины»... Боязнь найти последнее упокоение в «полосатом кафтане» на «тесном Петербургском кладбище» преследовала поэта все последние годы. Особенно терзала мысль о «полосатом кафтане», как Пушкин называл мундир камер-юнкера³.

Князь П.А. Вяземский⁴ (из «Старой записной книжки»):

«Александр Пушкин был во многих отношениях внимательный и почтительный сын. Он готов был даже на некоторые самопожертвования для родителей своих; но не в его натуре было быть хорошим семьянином: домашний очаг не привлекал и не удерживал его. Он во время разлуки редко писал к родителям, редко и бывал у них, когда жил с ними в одном городе. “Давно ли видел ты отца?” — спросил его однажды NN. “Недавно”. — “Да как ты понимаешь это? Может быть, ты недавно видел его во сне?” Пушкин был очень доволен этою уверткой и, смеясь, сказал, что для успокоения совести усвоит ее себе.

Отец его, Сергей Львович, был также в своем роде нежный отец, но нежность его черствела ввиду выдачи денег. Вообще был он очень скуп и на себя, и на всех домашних. Сын его Лев, за обедом у него, разбил рюмку. Отец вспылил и целый обед проворчал. “Можно ли, — сказал Лев, — так долго сетовать о рюмке, которая стоит 20 копеек?” — “Извините, сударь, — с чувством возразил отец, — не двадцать, а тридцать пять копеек!”» [1]

Как бы то ни было, по возвращении из Михайловского в Петербург писатель собран как никогда; он полон энергии и готов много писать. Но для начала следовало съездить в Москву, где его ждали архивы и была возможность остаться наедине со своими рукописями. Озадачивало другое: в семье должен был появиться четвёртый ребёнок. А при отсутствии хозяина все заботы по дому и хозяйству лягут на беременную супругу, которая, ко всему прочему, на

³ Опасения А.С. Пушкина оказались небезосновательны. Увидав поэта в гробу в штатском платье, Бенкендорф с возмущением воскликнет: «Почему положили в гроб не в мундире?!»

⁴ Вяземский, Пётр Андреевич (1792–1878), князь; камергер. Чиновник канцелярии Н.Н. Новосильцева в Варшаве в 1818–1821 гг., вице-директор Департамента внешней торговли в 1832–1846 гг.; впоследствии товарищ министра народного просвещения. Являлся членом «Арзамаса»; поэт, литературный критик, мемуарист.

всё лето вместе с детьми собралась на пригородную дачу. И он пишет ей каждые два-три дня. Понимая, как её муж страдает без семьи, Наталья Николаевна на каждое полученное тут же отправляет ответное письмо. Когда однажды она повременила с ответом, незамедлительно получила большое послание с упрёком:

«Что это, жёнка? так хорошо было начала и так худо кончила! Ни строчки от тебя; уж не родила ли ты? сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нет ли у него нового братца или сестрицы? погоди до моего приезда. А я уж собираюсь к тебе. В Архивах я был, и принужден буду опять в них зарыться месяцев на 6; что тогда с тобою будет? А я тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму. Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сижусь дома – вижу только мужеск. пол. Пешком не хожу, не прыгаю – и толстею... Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: У меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылепим» [2].

Он вернётся в Петербург глубокой ночью 23 мая. Усталый, в придорожной пыли, улыбающийся. Причиной для радости стало прекрасное известие: в тот день супруга подарила ему дочку...

Ожерелье, подаренное мужем поутру, Наталью Николаевну «привело в восхищение». А сам хозяин семьи в эти дни писал Павлу Нащокину⁵ в Москву: «Дай Бог не сглазить, всё идёт хорошо» [3].

Хорошей жизни оставалось не так уж много. До середины осени...

* * *

С летом в тот год не повезло. Затяжные дожди с сильным ветром загнали петербуржцев по домам. Погода напоминала октябрьскую; шептались о приближении конца света. Однако для Пушкина непогода была не в тягость. С утра он уединялся в дачном кабинете и с наслаждением работал.

Выход пушкинского «Современника», по мнению Александра Сергеевича, должен был многое изменить. По крайней мере, доходы от издательства журнала позволили бы существенно сбалансировать непосильные расходы по займам, которые значительно возросли. Непогода и постоянное присутствие рядом жены и непоседливых детишек каким-то необъяснимым образом вернули вдохновение. Поэтому Пушкин много и с удовольствием пишет. Почти забыты выезды в город; семья всё время проводит на даче. Для знакомых и друзей у поэта имеется уважительная причина – траур по мамушке; на что он и ссылается, отказываясь от очередного приглашения в гости. Даже день рождения императрицы, пышно отмеченный в Петергофе, обошёлся без присутствия уважаемого поэта. Лишь нечастые гости – Карл Брюллов, князь Пётр Вяземский и парижанин Леве-Веймар...

Всё это – плохая погода и отсутствие посторонних – Пушкина даже радовало. Он трудился над историческим романом времён пугачёвщины. Даже когда ожили главные герои сочинения, название ему так и не было придумано. Впрочем, подобное автора ничуть не занимало – главное, понимал он, удалась сама суть, сердцевина, раскрывавшая подлинность описываемых событий. В перерывах работы над романом поэт находил отдохновение в стихах; в частности, продолжал «лакировать» «Медного всадника».

⁵ Нащокин, Павел Воинович (1800–1854). С 1819 года – подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, с 1821 года – корнет лейб-гвардии Кирасирского Её Императорского Величества полка; с 1823 года в отставке. Был женат на Вере Александровне Нагаевой (1811–1900). Гоголевский прототип Хлобуева, одного из героев второго тома «Мёртвых душ».

23 июля 1836 года в его сочинении, названном «Капитанская дочка», была поставлена последняя точка. Вскоре по Петербургу поползли слухи: Пушкин собирается выпустить новый роман...

Очередной успех окрылил надеждами. Захотелось, уехав с дачи на Каменном острове, вновь очутиться в Михайловском, где, накупив в лавке гусиных перьев, сесть за любимый письменный стол и... писать, писать, писать.

С Михайловским ничего не получилось. Впрочем, как и с написанием нового романа. Подвёл «Современник», который, к досаде, не оправдал надежд. Ожидаемых двух тысяч подписчиков издатели не дождались; две трети нераскупленных экземпляров второго номера журнала недвижимым грузом осталось лежать на складе. Всё просто: поэта Пушкина читатель знал, а вот новый журнал (пусть даже пушкинский) – нет. Кто будет братькота в мешке? Признание следовало завоевать, а с ним – и читателя. В том и состояла большая ошибка Пушкина, слепо надеявшегося заполучить никак не меньше двадцати пяти тысяч рублей. Отрезвление пришло, когда на горизонте зазяла финансовая яма...

Вновь пришлось лезть в долги. На этот раз выручил некто Соболевский, большой приятель, который, уезжая за границу, оставил Пушкину приготовленное для заклада столовое серебро. В другое бы время Александр Сергеевич от встречи с ростовщиком решительно отказался, но только не в этот раз. Пришлось плестись к ростовщику Кишкину, выдавшему под залог столовой утвари семь тысяч рублей. Мизер, но и такие деньги предоставляли временную передышку...

Всё это очень тревожило. «Передышки» быстро заканчивались. Ещё в феврале он заложил у ростовщика Шишкина кашемировую шаль жены. Наталья Николаевна эта шаль очень нравилась. В ней она выглядела как настоящая русская крестьянка. А те 1250 рублей, полученные от ростовщика, быстро закончились. Через пару месяцев он снесёт Шишкину старинный брегет и серебряный кофейник, оценённые хитрованом в какие-то 650 рублей.

А вот шаль было жалко...

Узнав о провале второго выпуска журнала, Наталья Николаевна решила помочь мужу, потребовав от своего старшего брата, Дмитрия Николаевича Гончарова, полагающуюся ей долю после смерти деда в виде ежегодного содержания. Однако при жизни мужа она лишь раз получила требуемую сумму в размере 1120 рублей (четверть от годового содержания) [4].

Мытарства с деньгами сводят авторское вдохновение Пушкина почти на нет. Тем не менее 19 октября он заканчивает беловой текст «Капитанской дочки», стоившей ему огромных трудов. Одновременно готовит третий выпуск «Современника», сократив его тираж чуть ли не вдвое, чем удалось значительно сэкономить. В планах было опубликовать «Капитанскую дочку» в четвёртом номере. Роман покорила читателя. Тургенев, Карамзин, Вяземский – все в один голос: превосходно!

Теперь слово было за цензорами, с подачи которых роман мог быть просто-напросто утоплен. Но обошлось. Когда первая часть «Капитанской дочки» попала в руки известного цензора Корсакова, тот оказался буквально покорён прекрасным романом и уже на следующий день прислал автору доброжелательный ответ.

«С каким наслаждением я прочёл его! – писал Пушкину о романе Корсаков. – Не просто прочёл – проглотил его! Нетерпеливо жду последующих глав...»[5]

В середине сентября Пушкины вернулись с дачи в Петербург, поселившись в доме княгини Волконской на Мойке. То спокойное лето на Островах, где семья провела дачный сезон, окажется самым светлым воспоминанием Александра Сергеевича и его супруги на фоне последующих, поистине ужасных и фатальных, событий.

С определённого времени в их жизни появился некто Жорж Геккерен⁶. Хотя весь светский Петербург знал этого человека как кавалергарда Дантеса...

* * *

14 февраля 1834 г.

«Определенный на службу по высочайшему приказу, отданному в 8 день сего февраля и объявленному в приказе по Отдельному гвардейскому корпусу 11 числа за № 20, бывший французский королевский воспитанник военного училища Сент-Сир барон Дантес в сей полк корнетом зачисляется в списочное состояние, с записанием в 7-й запасный эскадрон, коего и числить в оном налицо».

Из приказа по Кавалергардскому полку[6]

...Если кто-то считает, что Жорж Шарль Дантес родился с золотой ложкой во рту, то глубоко заблуждается: ложка (пусть и не золотая, а всего лишь посеребрённая) у него появится позже, причём не без участия Фортуны, сопровождавшей этого человека всю жизнь. Фортуна капризна и скупа, но если уж накладывает свою длань на чьё-либо чело, то это чело – исключительно слабака. Ибо сильный пробивает себе путь без всякой помощи – благодаря сильным мышцам, изворотливости ума и хорошей реакции. Ни тем, ни другим, ни даже третьим судьба Дантеса не наделила, за исключением разве смазливой мордашки, которая в его жизни сыграет не последнюю роль.

Родившемуся в многодетной семье барона Жозефа Дантеса, получившего свой титул в смутные времена Бонапарта, поначалу Фортуна не выказывала Жоржу особых знаков внимания. Даже в сен-сирской военной школе он пробыл не более года, на чём всё образование и закончилось. Правда, обучению юноши помешали революционные события 1830 года, но это, в общем-то, не имело никакого значения. Когда же пришло время устраиваться в жизни, понадобились связи досточтимого батюшки.

Школа в Сен-Сире определила будущее Дантеса, которое могло быть связано только с военной службой. Проще всего было поступить в армию прусского короля. Так бы оно и произошло, если б не одно обстоятельство: незаконченное военное образование лишало возможности получить даже низший офицерский чин. Унтер-офицером – пожалуйста; но не выше. Однако в планы честолюбивого барона такая «низость» никак не входила. Пришлось подыскивать лазейки попроще. Тут-то и помогли связи отца.

Выручил наследник – прусский принц Вильгельм, – чьей протекции в отношении Дантеса перед русским императором Николаем Павловичем, с которым принц был в родственных отношениях, оказалось достаточно, чтобы уладить дело с военной службой в кавалергардском Ея Величества полку.

26 января 1834 года в дневнике Пушкина каким-то мистическим образом появляется запись: *«Барон Дантес и маркиз де-Пина, два ишюана, будут приняты в гвардию офицерами. Гвардия ропщет»* [7].

Как бы то ни было, принятие Дантеса офицером в русскую гвардию явилось очередной улыбкой судьбы. Незадолго до этого смазливая мордашка француза смутила-таки капризницу Фортуну, которая приготовила для баловня сюрприз в виде голландского посланника Геккерена⁷.

⁶ В некоторых официальных документах написание фамилии иное – «Геккерн».

⁷ Геккерен-Бевеверваард, Якоб Дерк Анне Борхард ван (1791–1884), голландский барон. Его мать – урожденная графиня Нассау. В 1805–1815 гг. служил в военно-морском флоте, позже поступил на дипломатическую службу. Голландский посланник в Петербурге (1826–1837 гг.), посол в Вене (с 1842 г.).

Дантес и Геккерен познакомились в гостинице одного немецкого городка. Юноша лежал в горячке, а дипломат, возвращавшийся из отпуска в Россию, остановился в той же самой гостинице. Вскоре они познакомились, а потом и подружились.

С самого начала эта дружба обещала быть особенного свойства. Долгое время об этом не принято было говорить, тем не менее абсолютно точно известно, что между Геккереном и Дантесом имела место гомосексуальная связь. Именно голландец и предложил молодому французцу поехать с ним в Петербург.

Из воспоминаний однополчанина Дантеса князя А.В. Трубецкого⁸:

«За ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодежи, кроме одной, о которой, впрочем, мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккерном, или Геккерн жил с ним... В то время в высшем обществе было развито бугрство. Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в сношениях с Геккерном он играл только пассивную роль. Он был очень красив...»[8]

Ничего удивительного, что после знакомства с голландским посланником никаких препятствий у офицера-недоучки для поступления на русскую военную службу не возникло. (Это ли не происки Фортуны?!) О французе было доложено государю, после чего уже в январе 1834 года (всего через три месяца после прибытия с Геккереном на пароходе в Кронштадт) Дантес был допущен к офицерским экзаменам при Военной академии. Причём с освобождением от экзамена по русской словесности и знанию Устава.

Поразительно! Без всякого образования, без знания языка страны, в которой этот малый собирался служить, и даже Устава армии Дантес не только блестяще «выдержал экзамен», но и был зачислен корнетом в Кавалергардский полк⁹.

19 ноября 1836 г.

«Неоднократно поручик барон де Геккерен подвергался выговорам за неисполнение своих обязанностей, за что уже и был несколько раз наряжаем без очереди дежурным при дивизионе; хотя объявлено вчерашнего числа, что я буду сегодня делать репетицию ординарцам, на коей и он должен был находиться, но не менее того... на оную опоздал, за что и делаю ему строжайший выговор и наряжаю дежурным на пять раз».

Из приказа по Кавалергардскому полку [9]

Жорж Дантес был ленив и глуповат. Зато молод, строен и красив. А ещё этот донжуан чертовски здорово отплясывал котильон, полонез и мазурку. Особенно мазурку, эту сводницу распутных сердец.

«Он отдавался танцам с жаром, неким вдохновенным восторгом, – писала Серена Витале. – Он никогда не был одним из тех холодных денди, что лениво переставляют ноги, будто выполняя утомительную работу. Каждый мускул его был напряжен, звук его каблучков четко и громко раздавался на паркетном полу, его ноги грациозно взлетали в антраша. Не был он также и одним из тех “супермодных” типов, которые являлись поздно и исчезали до мазурки – ключевой точки танцев, магического момента любовных свиданий; это был человек, который покидал бальную залу разгоряченным, с покрасневшим лицом и в изнеможении – только после котильона, и даже тогда его хватало на последнюю остроту, последний обжи-

⁸ Трубецкой, Александр Васильевич (1813–1889), князь; штаб-ротмистр Кавалергардского полка, впоследствии генерал-майор.

⁹ По странному стечению обстоятельств, Дантес был освобождён ещё от одного предмета – военного судопроизводства. Кто знает, если бы он имел какое-то понятие о наказании, грозившем ему за дуэльное преступление, возможно, не было бы рокового поединка. Но, главное, Пушкин был бы жив!

гающий взгляд, под воздействием которого веера двигались живее – и с первым лучом рассвета дневники наполнялись отчетами об учащенном стуке сердца и обморочном состоянии» [10].

Этот плут был способен увлечься; но истинное наслаждение ему доставляло обратное – очаровывать; особенно замужних дам. Ведь семейная клетка, как известно, многих страшно тяготит: муж, дети, надоевший домашний халат и ночной чепец... Ах, как всё это далеко от истинной страсти, романтики и рыцарской бесшабашности! И это притом, что где-то там, за пределами ненавистной решётки, кипели страсти, стрелялись на дуэли и... признавались в любви. Как порою хотелось очутиться среди этого разгула, который манил запахом порока – известным искушителем замужних женщин всех сословий.

Когда соблазнительно чуть за двадцать, такой в обществе шуришащих юбок всегда становится кумиром, не увлечься которым способна разве что лишённая сердца. В двадцать четыре в тебя влюбляются все. И не только девицы, но и вполне респектабельные кокетки. Тут, главное, не переиграть и всю благосклонность обернуть исключительно в свою пользу. И пока Дантесу это удавалось. Его «послужному списку» из тех, кто удостоил француза, помимо томного взгляда, более ценным подарком, могли позавидовать самые известные кавалеры Петербурга. Молодые бонвиваны им восхищались, а осанистые главы семейств – откровенно побаивались.

– Дантес, говорят, вы хороши с женщинами, – смеясь, спросил его однажды граф Анраксин.

– Женитесь, граф, тогда и узнаете, – в пику тому ответил француз.

Однако если с женщинами у Дантеса всё обходилось относительно благополучно (не считая венерических болезней, заставлявших раз за разом обращаться к дорогим докторам), то в отношении военной службы дела шли не столь блестяще.

«Дантес, по поступлении в полк, оказался не только весьма слабым по фронту, но и весьма недисциплинированным офицером, – писал биограф Кавалергардского полка. – Таким он оставался в течение всей своей службы в полку: то он “садится в экипаж” после развода, тогда как “вообще из начальников никто не уезжал”, то он на параде, “как только скомандовано было полку вольно, позволил себе курить сигару”; то на линейку бивака, вопреки приказанию офицерам не выходить иначе, как в колетах или сюртуках, выходит в илафрое, имея шинель в накидку». На учении слишком громко поправляет свой взвод, что, однако, не мешает ему самому «терять дистанцию» и до команды «вольно» сидеть «совершенно распустившись» на седле; «эти упущения Дантес совершает не однажды, но они неоднократно наперед сего замечаемы были» [11].

В январе 1836 года Жорж Дантес получил очередное воинское звание – поручик.

* * *

Князь П.А. Вяземский (из «Старой записной книжки»):

«В 1812 году граф Остерман сказал маркизу Паулуччи, если я не ошибаюсь: “Для вас Россия – мундир: вы надели его, и вы сбросите, когда будете в настроении это сделать. Для меня это – моя кожа”...» [12].

13 мая 1836 года в Кронштадте пришвартовался пароход «Александра», на котором из поездки на родину вернулся Якоб ван Геккерен. На его лице играла улыбка. Голландец радовался отнюдь не весеннему солнцу: в кармане сюртука прибывшего лежали бережно свёрнутые бумаги, удостоверяющие усыновление им французского подданного Жоржа Дантеса,

поручика лейб-гвардии Конного полка. Через неделю голландский посланник во время приватной аудиенции доложит об этом лично императору¹⁰.

С этого времени Дантеса следовало именовать Жорж Шарль де Геккерен...

Летом того года на балах, организуемых на минеральных водах, тон задавала супруга известного поэта, 24-летняя Натали Пушкина. Ею восхищались, ей аплодировали, в неё влюблялись. А ещё – открыто завидовали. Поэтому, когда в окружении замужней дамы появился Дантес, все взгляды так или иначе были направлены именно на них. А вдруг в семье Пушкиных случится адюльтер? Ведь за плечами «белокурой бестии» (так звали за глаза Геккерена-младшего), если верить слухам, было приличное состояние его приёмного отца, а ещё тянулся шлейф скандальных историй, связанных с замужними женщинами. Однако до большого скандала пока не доходило; вероятно, потому, что очередному мужу-рогоносцу, дабы в обществе не показаться смешным, проще было попросту отмахнуться.

Как уже было сказано, Наталья Николаевна была красива и изящна. В шестнадцать она уже разбивала сердца. Настоящую конкуренцию супруге поэта могла составить лишь другая красавица – Саша Алябьева, которой восторгались все, в частности сам Пушкин:

...Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой...

Князь П.А. Вяземский сравнивал красоту Алябьевой *avec une beauté classique*, а красоту Гончаровой *avec une beauté romantique*. По мнению князя, Пушкину, первому романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице [13].

Долли Фикельмон¹¹, 25 октября 1831 года:

«Госпожа Пушкина, жена поэта, здесь впервые явилась в свете; она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое – ее стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен и взгляд, хотя и неопределенный, красив; в ее лице есть что-то кроткое и утонченное; я еще не знаю, как она разговаривает, – ведь среди 150 человек вовсе не разговаривают, – но муж говорит, что она умна. Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии; мне показалось, что он вчера испытывал все мелкие ощущения, всё возбуждение и волнение, какие чувствует муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете» [14].

Из воспоминаний графа В.А. Соллогуба¹²:

«Много видел я на своем веку красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединяла бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая; с баснословно тонкой талией, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши! Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные, даже из самых прелестных женщин, меркли как-то при ее появле-

¹⁰ Отношения между Голландией и Российской империей при Николае I были на пике дружбы. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что женой принца Вильгельма Оранского являлась сестра Николая – Анна Павловна, будущая королева Нидерландов.

¹¹ Фикельмон, Доротея (Дарья Фёдоровна, Долли, ур. графиня Тизенгаузен, 1804–1863); дочь Е.М. Хитрово. В 1821 году вышла замуж за Карла Людвиг фон Фикельмона, австрийского посланника в Петербурге в 1829–1839 годах.

¹² Соллогуб, Владимир Александрович (1813–1882), граф, писатель. Учился в Дерптском университете вместе с братьями Карамзиными. С 1835 года – чиновник по особым поручениям при Министерстве иностранных дел.

нии. На вид она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. В Петербурге... она бывала постоянно и в большом свете, и при дворе, но её женичины находили несколько странной. Я с первого же раза без памяти в нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не вздыхал по Пушкиной; ее лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы; я знал очень многих молодых людей, которые серьезно были уверены, что влюблены в Пушкину, не только вовсе с нею незнакомых, но чуть ли никогда собственно ее даже не видевших» [15].

Чем не королева красоты?..

* * *

...В конце лета Императорская гвардия (Кавалергардский полк) разместилась в Новой Деревне. Вслед за этим начались долгожданные балы, в частности – в здании минеральных вод близ каменноостровских дач. Там любила бывать императрица Александра Фёдоровна, поэтому быть приглашённым на бал на минеральных водах почиталось за честь.

К тому времени супруга Пушкина Наталья Николаевна, отойдя от родов, заметно похорошела, если не сказать больше – расцвела. Среди тех, кто восхищался красотой и изяществом замужней дамы, был и Жорж Дантес. Впрочем, к осени 1836 года этот молодой повеса – уже даже и не Дантес, а барон Геккерен – приёмный сын голландского посланника Якоба Геккерена де Беверваарда, или Геккерена-старшего. (Геккеренам, как понимаем, таким образом было легче скрывать свою гомосексуальную связь.)

У Дантеса-Геккерена имелась одна отличительная особенность, приводившая в замешательство даже искушённых в интригах кокоток, не говоря уж о девицах. Наглец по натуре, он обожал смущать дам, устремляя свой пристальный, немигающий взгляд на ту, которая удоставалась его внимания. В такие минуты (чаще – секунды) в пронзительном взгляде француза читались даже не любовь или признание – в нём был вызов. По сути, ожидание единственного ответа: «да!». Поэтому заглядевшиеся на красавица девицы тут же смущались; а вот дамы поопытнее намёк схватывали на лету, мечтая лишь о том, чтобы кавалер пригласил их на мазурку...

Мазурка являлась венцом всех балов. Во-первых, существовало негласное правило, согласно которому на этот танец кавалер приглашал наиболее приглянувшуюся ему даму. А во-вторых, во время этого быстрого и озорного танца можно было незаметно для окружающих договориться о тайном свидании, передать записку частного свойства и, наконец, даже щекотнуть нежную шейку избранницы щёткой усов. Ничего удивительного, что мазурку обожали все, за исключением, пожалуй, ревнивых мужей (как правило, из старых холостяков), хорошо понимавших, что к чему.

* * *

Итак, с некоторых пор Дантес-Геккерен решил приударить за Пушкиной. Пусть и красавица – зато невелика птица, жена какого-то камер-юнкера, ха-ха. Подумаешь, невидаль – знавали и познатней...

Князь А.В. Трубецкой: «Он был очень красив... И постоянный успех в дамском обществе избаловал его: он относился к дамам вообще как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские, и, как избалованный ими, требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем даже было принято в нашем обществе» [16].

По отзыву другого современника, «Дантес возымел великий успех в обществе; дамы вырывали его одна у другой» [17].

Отныне, где бы ни появлялись Пушкины, там обязательно возникала долговязая фигура Дантеса. Искушённый в любви и ревнивый по натуре, Александр Сергеевич быстро заприметил «пронзительный взгляд шаромыжника», направленный в сторону его жены. Однако поначалу ничто не предвещало беды. Мало ли, влюбчивый «выюнош» оказался очарован Натали – дело привычное, не впервой. Финал предсказуем: зная себе цену Наталья Николаевна способна легко отвести грозу от семьи. Кто-кто, а Пушкин это прекрасно знал, поэтому в супруге был уверен, как в самом себе... Тьфу-тьфу, конечно, не как в самом себе, ибо если так, то... Словом, был уверен, как в усопшей матушке... Потому-то первое время ухаживания французика воспринимались им исключительно как забава и игра.

И всё-таки поэт сильно ревновал. И в этом не было ничего удивительного – ведь он был старше жены на целых тринадцать лет! Не так много, в сравнении, скажем, с прочими супружескими парами, где разница доходила и до трёх десятков лет, но всё же. Не очень-то хотелось, чтоб вслед тебе несло страшиное: «рогоносец».

Пушкин всегда чуть-чуть комплексовал. Даже тогда, когда сердце первой московской красавицы стало принадлежать ему – маленькому и некрасивому. Если верить воспоминаниям современников, поэт не любил стоять рядом со своей женой, говоря, что это для него «унизительно». Красота и молодость Наташи, а также её успех в свете, несомненно, беспокоили супруга.

И здравый смысл подсказывал: рано или поздно жена могла ошибиться. Каково это, имея маленького, неимпозантного вида мужа-«старика», повелевать сонмом молодых красавчиков и при этом сохранять незапятнанной собственную репутацию?.. Ведь одного благосклонного взгляда достаточно, чтобы поползла молва...

О, молва! Эта болтливая старуха, предвестник телеграфа, разбила сотни сердец, ещё большие – семей... Не бойся пистолета – бойся молвы! И если верить этой самой молве, Натали в глазах общества была не столь уж безупречной. Однако Пушкин супругу понимал, ибо и сам, бывало, ошибался. Главное, твердил он в письмах, не делать опасных шагов... А если и кокетничать, то... аккуратно.

Из писем Пушкина жене: «Ты кругом виновата... кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом»... «Смотри, жёнка! Того и гляди, избалуешься без меня, забудешься без меня, забудешь меня – искокетничаешься»... «Не стражай меня, жёнка, не говори, что ты искокетничалась»... «Не кокетничай с Соболевским»... «Не стражай меня... не кокетничай с царём, ни с женихом княжны Любы»...[18]

Кокетничай, говорит Пушкин жене, но требую от тебя, помимо холодности, быть «благорпристойною и важною». Именно эти качества, по мнению поэта, наиболее достойны хорошей и преданной супруги.

А вот ещё: «Ты кажется, не путём искокетничалась. Смотри: не даром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нём толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкою, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхав тебе задницу; есть чему радоваться. Не только тебе, но и Пасковье Петровне легко приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства» [19].

Как видим, главным для Пушкина в жене являлось присутствие бдительности при наличии некой комильфонности – умения соответствовать вкусам и правилам приличия в обществе. И это у Натали Николаевны неплохо получалось.

Правда, до поры до времени. Пока судьба не бросила к её ногам Дантеса...

Пушкин впервые увидел Натали в 1828 году в Москве. Как-то так получилось, что на балу у танцмейстера Иогеля очутились он и она. Первое впечатление поэта: Гончарова напоминала какую-то заводную куклу – прекрасную и почти неземную.

Чуть позже он добился согласия Гончаровой стать его женой. Во время венчания внезапно потухла свеча. А ещё – упали крест и обручальное кольцо. Пушкин похолодел, потом негромко произнёс:

– Плохое предзнаменование...

Об этом он будет долго вспоминать. Но твёрдо знал одно: свой выбор сделал правильно. И в который раз любовался своей Натали, которую про себя называл Татьяной Лариной...

** * **

Князь П.А. Вяземский (из «Старой записной книжки»):

«Александр Булгаков рассказывал, что в молодости, когда он служил в Неаполе, один англичанин спросил его: “Есть ли глупые люди в России?” Несколько озадаченный таким вопросом, он отвечал: “Вероятно, есть, и не менее, полагаю, нежели в Англии”. – “Не в том дело, – возразил англичанин, – вы меня, кажется, не поняли: мне хотелось узнать, почему правительство ваше употребляет на службу чужеземных глупцов, когда имеет своих?”

Вопрос, во всяком случае, не лестный для того, кто занимал посланническое место в Неаполе» [20].

«Коллекционировать» женщин Жорж Дантес начал давно. Так давно, что успел запомнить, с чего всё началось. Но однозначно с бутылки бургундского и ночи в грязном борделе. А потом пошло-поехало: гувернантки, гризетки, madame, mademoiselle... И... monsieur. Дитя наполеоновских войн, он оказался на развилке Истории, где благодетель и разврат гуляли под руку. Вольные нравы Сен-Сира существенно подпортили характер Жоржа. Густые бачки, светлые выющиеся волосы и красивые серые глаза влекли к нему женщин, как ос на патоку. Завязанный рассказчик и балагур, этот красавчик умел нравиться. И был избалован прекрасной половиной почти «до изнеможения».

Однако всякая медаль, как известно, имеет две стороны; парадный фасад – чёрный ход, а каждый шкаф – свои скелеты. У Дантеса «скелетов» было два. Во-первых, со своим приёмным отцом, как было сказано, его связывала плотская любовная связь. Ну а во-вторых, этот отчаянный гуляка был серьёзно болен. Дантес, как шептались, страдал болезнью, которая плохо поддавалась лечению. По крайней мере, Пушкин ничуть не сомневался, что донжуан поражён «болезнью любви». Деньги приёмного отца помогали проводить дорогостоящее лечение. Влиятельный Геккерен пресекал все пересуды о своём сыне, поэтому говорить о болезни Дантеса открыто было не принято. Однако Александр Сергеевич, будучи уверенным, что у его врага lies, в выражениях не стеснялся.

Хроническое заболевание раз за разом обострялось. Болезнь протекала тяжело, с высокой температурой и упадком сил, укладывая бедолагу на неделю-другую в постель. Так приходилось расплачиваться за героизм. Зато когда приступы благодаря вмешательству докторов отступали, кавалергард вновь, что называется, обретал себя, встречался с друзьями и подругами, появлялся в свете, заводил интрижки и, разумеется, новые романы...

Заболевание, которым страдал любвеобильный француз, оказалось слишком коварным, чтобы на него не обращать внимания. Сжигая организм изнутри, оно делало его настолько слабым, что француз практически лишился какой-либо защиты противостоять любой простуде. Насморк и кашель стали постоянными спутниками Дантеса. Но однажды, пройдясь на коварном невиском ветру, он подхватил ещё одну страшную болезнь – плеврит. Кризис, правда, быстро миновал, однако очаг приобрёл хроническую форму. После этого стало окончательно ясно, что здоровье молодого французского серьёзно подорвано. Было время, когда его активная жизнь проходила от приступа до приступа, от обострения к обострению...

Из письма Ж. Дантеса Якобу ван Геккерену, декабрь 1835 года:

«Теперь, благодарение Богу, я совсем не страдаю. Да, я закутан во фланель, как женищина, выздоравливающая после родов, но в этом есть двойное преимущество сохранения тепла и заполнения пространства под одеждой, которая висит на мне как мешок из-за того, что я так страшно похудел. В этом письме я предлагаю тебе отчет о моей теперешней жизни: я каждый день ем дома, мой слуга договорился с поваром Панина, и мне присылают очень хорошие и обильные обеды и ужины за шесть рублей в день, и я уверен, что смена поваров идет мне на пользу, поскольку боли в желудке почти совершенно исчезли» [21].

За своё легкомыслие приходилось жестоко расплачиваться. Рано или поздно наступает время собирать камни...

* * *

Как было сказано, последней страстью Дантеса стала замужняя дама Натали Пушкина. Сам Александр Сергеевич к этому времени превратился в маститого, известного как в стране, так и за её пределами писателя и поэта. Под одной крышей сошлись Ум и Красота, Вулкан и Венера. Для стороннего наблюдателя семья Пушкиных являла собой образчик идеального брака – сочетание воздушного с плотским; хотя на самом деле чета, растившая четверых детей, переживала самый что ни на есть семейный кризис. Уму очень не хватало душевной широты, интеллигентности; Красоте – публичности.

Долли Фикельмон, сентябрь 1832 года:

«Госпожа Пушкина, жена поэта, пользуется самым большим успехом, невозможно ни быть прекраснее, ни иметь более поэтическую внешность, а между тем, у нее не много ума и даже, кажется, мало воображения» [22].

В какой-то момент супругам стало тесно. Вместо того чтобы полностью отдать себя Музе и Пегасу, поэт вынужден был раз за разом всё откладывать «на потом», чтобы обеспечить безбедное существование семьи и «достойное» появление очаровательной жены на очередном великосветском балу. Сама же Натали, как она считала, буквально задыхалась от «семейного быта». Она «жила от бала до бала»; ведь только там можно было показать себя во всей красе. В двадцать с небольшим есть что показать: блеск глаз, румянец щёк, пухлость губ и нежность кожи. О, как этих бессловесных свидетелей молодости и счастья не хватает потом, когда тебе, о ужас, за тридцать пять...

Судя по всему, на этот раз Дантес увлёкся по-настоящему. Если же верить его переписке с приёмным отцом, так оно и было. Завоевать сердце красавицы стало возделенной мечтой француза.

Но для начала следовало войти в ближний круг Пушкиных. Несложная, на первый взгляд, задача имела одноотягчающее обстоятельство, имя которому – муж. Для любовника (пусть даже будущего) супруг обожжаемой им женищины – всегда препятствие, своего рода букашка в глазу, а то и шмель на носу. Когда как – многое зависит от везения. В любом случае, самое лучшее – оказаться «другом семьи», которого все знают, любят, доверяют и даже прислушиваются к советам. Оказаться «своим» – для любовника всегда большая удача, потому как совсем рядышком, буквально за спиной муженька-рогоносца, можно вытворять что угодно...

Дантес был везунчиком и начал с того, что без всякой стыдливости (и даже осторожности) стал ухаживать за Натали. Кто знает, возможно, им двигали самые возвышенные чувства (сильное увлечение? любовь?). По крайней мере, так заставляют думать его письма барону Геккерену-старшему: «...Я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть; я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное

создание в Петербурге, и ты будешь знать ее имя. Но всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видеться до сих пор, так как муж бешено ревнив...»[23]

Хочется верить, Дантес был охвачен подлинной страстью. Однако следует оговориться: эти строки написаны им в январе 1836 года, когда «даму сердца» наблюдал лишь со стороны – по сути, даже не будучи хорошо с ней знаком. «Это жеманница», – скажет он как-то Соллогубу, намекнув, что подобные женщины «манят, но не дарят». Несомненно одно: Натали Пушкина Дантесу очень нравилась.

И снова бал; и снова – танцы! Главное, понимал француз, заручиться у дамы мазуркой. А уж та способна творить чудеса...

Но было ещё одно. В высшем обществе неизвестному иностранцу не так просто достигнуть определённого положения и тем более какой бы то ни было известности. Лишь женитьба на девице знатного рода или вхождение в определённый круг знакомых (например, масонов) могло существенно облегчить эту задачу. Однако Дантес решил распахнуть двери светского общества иным путём – единственным, на который он был способен. Громкий роман с женой известного поэта, пожалуй, мог сделать его имя более значимым – по крайней мере, среди так называемой «золотой» молодёжи. В любом случае, выбрав цель, отступить было поздно: его ухаживания за Натальей Николаевной уже успели привлечь всеобщее внимание. По городу поползли компрометирующие чету Пушкиных слухи...

Вот что при возвращении с очередного бала в феврале 1836 года писала в дневнике фрейлина императрицы Мари Мердер¹³:

«В толпе я заметила д'Антеса, но он меня не видел. Возможно, впрочем, что просто ему было не до того. Мне показалось, что глаза его выражали тревогу, – он искал кого-то взглядом и, внезапно устремившийся к одной из дверей, исчез в соседней зале. Через минуту он появился вновь, но уже под руку с г-жою Пушкиной. До моего слуха долетело:

– Уехать – думаете ли вы об этом – я этому не верю – вы этого не намеревались сделать...

Выражение, с которым произнесены эти слова, не оставляло сомнения насчет правильности наблюдений, сделанных мною ранее, – они безумно влюблены друг в друга! Пробыв на балу не более получаса, мы направились к выходу. Барон танцевал мазурку с г-жою Пушкиной. Как счастливы они казались в эту минуту...» [24]

Однако близкие к семье Пушкиных люди воспринимали ухаживания француза не иначе, как волокитство, с её же стороны – нескрываемое кокетство...

Из воспоминаний Н.М. Смирнова¹⁴ (дипломата, мужа «черноокой» А.О. Россет) о Дантесе:

«Он страстно влюбился в госпожу Пушкину... Наталья Николаевна, быть может, немного тронутая сим новым обожанием (невзирая на то, что искренне любила своего мужа до такой степени, что даже была очень ревнива) ...или из неосторожного кокетства, приняла волокитство Дантеса с удовольствием...»[25]

Так это было взаимное влечение?..

И всё же Наталья Николаевна ответила французскому отказом. Мазурка мазуркой, но супружеский долг превыше всего.

¹³ Мердер, Мария Карловна (1815–1870), фрейлина императрицы Александры Фёдоровны. Дочь Карла Карловича Мердера (1788–1834), наставника наследника престола Александра Николаевича.

¹⁴ Смирнов, Николай Михайлович (1808–1870); камер-юнкер, чиновник Министерства иностранных дел. С 1835 по 1837 г. служил при русской миссии в Берлине. Был женат на Смирновой Александре Осиповне (ур. Россет, 1809–1882), фрейлине императрицы Александры Фёдоровны.

Весной 1836 года встречи Дантеса и Пушкиной, по сути, сведены на нет; причём по причине вполне банальной: Натали была беременна. Однако француз времени зря не терял – тот самый случай, закрой дверь – полезет в окна. Заведя знакомство с молодёжью из так называемого карамзинского кружка (Карамзин, Вяземский, Соллогуб и пр.), Дантес стал завсегдаем и частым гостем близких друзей поэта – там, где чета Пушкиных бывала чаще всего.

Тем не менее вплоть до осени на любовном фронте Дантеса наступило относительное затишье...

* * *

Князь П.А. Вяземский (из «Старой записной книжки»):

«В Москве до 1812 г. не был еще известен обычай разносить перед ужином в чашках бульон, который с французского слова называли *consommé*¹⁵. На вечере у Василия Львовича Пушкина, который любил всегда хвастаться нововведениями, разносили гостям такой бульон, по обычаю, который он, вероятно, вывез из Петербурга или из Парижа. Дмитриев¹⁶ отказался от него. Василий Львович подбегает к нему и говорит: “Иван Иванович, да ведь это *consommé*”. – “Знаю, – отвечает Дмитриев с некоторою досадою, – что это не ромашка, а все-таки пить не хочу”...» [26]

Любовное затишье предполагает задуматься над суетностью бытия. Задумаемся и мы – например, над тем, был ли искренен Дантес? Да и вообще, любил ли он Натали?

Лично для меня ответ давно ясен: не любил. Француз просто-напросто открыто волочился. Его целью было добиться этой женичины любой ценой! Хотя бы для того, чтобы похвастаться перед друзьями-приятелями крупной победой – и только. А репутация женичины и всё остальное – это Дантеса ничуть не волновало.

Любила ли Наталья Николаевна Дантеса? Вот здесь сложнее. Скорее, обаятельный французик ей нравился; если хотите, импонировал. Будем справедливы, помимо детей и мужа, эта женичина, пожалуй, обожала только себя; особенно когда блистала на балах. Впрочем, она выказывала кавалергарду знаки внимания – кокетство доставляло ей истинное удовольствие. Им обоим нравилось флиртовать друг с другом, не больше. А вот интимной близости быть не могло: всем было известно, что Натали находилась в «интересном» положении...

Волокитство споткнулось о Кокетство. В этом – Формула несостоявшегося романа между Дантесом и Натальей Пушкиной. Правда, цена этого мифического романа оказалась слишком высокой: не будь его, Россия не понесла бы столь невосполнимую утрату...

Натали не сразу поняла, что француз вёл двойную игру. У Дантеса имелась ещё одна тайна, которую он от всех тщательно скрывал. Волочась за замужней дамой, ловелас в то же время вынашивал планы иного свойства – он намеревался жениться. Нет, не на Пушкиной, с её ревнивым мужем и детьми! Признаваясь в любви к одной, он мечтал жениться на невинной девушке из высородного семейства. И в этом был весь Жорж Дантес...

Имя девицы, вокруг которой увивался Геккерен-младший, молоденькая фрейлина Двора княжна Мария Барятинская. Её матушка, княгиня Мария Фёдоровна Барятинская (ур. графиня фон Келлер), была близка к императрице Александре Фёдоровне, а брат, А.И. Барятинский, в описываемое время являлся адъютантом наследника престола и его ближайшим

¹⁵ Consommé (фр. Con-sommer – долго варить) – крепкий, сильно уваренный осветленный мясной (куриный или говяжий) бульон.

¹⁶ Дмитриев, Иван Иванович (1760–1837); поэт, баснописец, государственный деятель, член Российской академии наук. Дальний родственник Н.М. Карамзина; был близок с Г. Державиным и Д. Фонвизиным. Способствовал поступлению юного Пушкина в Царскосельский лицей. В 1810–1814 гг. – министр юстиции.

товарищем¹⁷. Княжна Мари, хотя и не блистала безупречной красотой, какой славилась Пушкина, зато была молода (на шесть лет младше Натальи Николаевны), знатна, богата, перспективна и умна. А ещё отличалась непомерным тщеславием, по причине чего не собиралась замуж абы за кого.

И всё же Дантесу удалось Мари пленить. Сначала он захаживал в семью как товарищ её брата, поручика Кавалергардского полка князя Александра Барятинского, потом – уже ради самой девицы. На балах красавец выделял такие «па» и так мило шутил, что не заметить его было просто невозможно. И княжна увлеклась. Её дневниковые записи первой половины 1836 года буквально испещрены именем Дантеса. Они же (записи) подтверждают, что француз был вхож в дом Барятинских и даже пользовался неким покровительством самой княгини. Известно, что с 23 по 30 марта 1836 года Дантес четырежды побывал у Барятинских! К слову, грозная княгиня незадолго до этого дала от ворот поворот другому кавалергарду – князю Трубецкому: лишь за то, что его матушка, видите ли, была сомнительного происхождения... Зато «тёмная лошадка» в лице приёмного сына голландского посланника не смущала вовсе. (Откуда привередливой княгине было знать о скрытых от людских глаз пороках француза?)

Из записей Мари Барятинской, 24 июня 1836 года: «Танцевали. Я веселилась. Вальс с Дантесом, но не мазурка...» [27]

Мазурку с Дантесом Мари станицует месяцем позже – на балу в Ропше. Тогда же князь Трубецкой пригласит Барятинскую на первую кадрили...

3 августа 1836 года: «[Дантес] немного за мной ухаживал и сказал мне, что я была очень мила... Дантес с Геккерном меня очень смешили» [28].

Записи Мари подтверждают, что с какого-то времени к Барятинским зачастил сам посланник, поощрявший ухаживания приёмного сына.

Перелом в отношениях произошёл в последний июльский день 1836 года. Именно тогда на балу в Красном Селе впервые после многомесячного перерыва появилась... Да, вы угадали: Натали Пушкина. И запись в дневнике Барятинской весьма лаконична: «Я не очень веселилась на балу...» [29]

После того как в начале августа Кавалергардский полк расположился в Новой Деревне, летние балы стали давать на Островах, куда вслед за императрицей съезжалась вся столичная знать. Интересно, что именно с этого периода резко меняется интонация дневниковых записей Мари Барятинской. Написанные в порыве гнева, целые предложения оказались тщательно зачёркнуты; под густым слоем чернил сокрыта тайна девичьих страданий. Характерна запись от 17 августа, где княжна Мари, описывая бал в Павлине, после фразы «вначале я веселилась...» зачеркнула несколько строк; чуть ниже она зачеркивала уже целыми страницами... Несмотря на то что все нашли её «очень красивой», бал явно не задался.

Что-то случилось, какое-то коренное изменение в отношениях с французом. Нетрудно догадаться, кто явился причиной разрыва...

Тем не менее Дантес делает вид, что ничего не произошло, и продолжает наносить Барятинским визиты. Когда он вдруг замечает холодность со стороны Мари и всего семейства, в бой вступает тяжёлая артиллерия в лице Геккерена-старшего. В сентябре «старик»¹⁸ лично навещает Барятинских, уверяя их в искренности чувств сына. Покачнувшиеся

¹⁷ Речь об Александре Ивановиче Барятинском (1815–1879), будущем генерал-фельдмаршале. С 1856 года являлся главнокомандующим войсками Отдельного Кавказского корпуса и наместником императора Александра II на Кавказе; руководил завоеванием Западного Кавказа и подавлением национально-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа. Именно под его руководством русские войска сломили сопротивление частей Шамиля, пленив его в 1859 году и, таким образом, закончив многолетнюю войну на Кавказе.

¹⁸ На то время Якобу ван Геккерену Беверваарду было всего 45 лет

было шаткое равновесие доверия было восстановлено. Правда, ненадолго: вскоре вновь заговорили об ухаживаниях Геккерена-младшего за Натали Пушкиной.

Так получилось, что ни Бястинская, ни Пушкина даже не догадывались, что каждой из них отведена роль некой актрисы из «запасной сцены». Какая из этих сцен была настоящей, не знал, пожалуй, и сам Дантес. Француз явно заигрался, компрометируя обеих женщин. Он хотел встречаться с одной, а жениться на другой – той, которая бы укрепила его положение в обществе.

Когда гонишься за двумя зайцами, вероятность схватить хвост одного из них столь же мала, как ухватить зубами проплывающую щуку. При всей своей наглости и циничности, Дантес был слишком молод, чтобы оказаться хорошим охотником или рыбаком. Он слишком уверовал в своё незаслуженное везение...

А почему бы и нет? Доподлинно известно, что Дантес не только ухаживал за княжной Бястинской и волочился за госпожой Пушкиной. У этого плута имелась ещё одна тайна: он жил, как теперь сказали бы, в гражданском браке с некой... Впрочем, об этой незнакомке можно только гадать, ведь имя дамы тщательно скрывалось. И это заставляет задуматься.

Возможно, женщина была слишком известна в обществе, чтобы неосторожное слово могло её сильно скомпрометировать. Хотя могло оказаться как раз наоборот: у Дантеса имелась связь с проституткой, что являлось ещё большей причиной скрывать эти отношения – на сей раз чтобы не быть скомпрометированным самому и отцу. Ясно одно: у Дантеса была тщательно скрываемая от посторонних глаз «жёлтка». И не просто была: любовница... вынашивала от французского ребёнка.

Из письма Дантеса Геккерену от 1 сентября 1835 года:

«Бедная “жена” в глубоком отчаянии; бедная женщина только несколько дней назад потеряла одного ребёнка, а теперь есть угроза потери ещё одного» [30].

Слишком ушлым оказался этот кавалерийский поручик. Деньги и высокое покровительство сделали вчерашнего недоучку отпетым негодяем...

* * *

30 августа 1836 г.

«...Спешу тебя уверить, что перелом ключицы мне никакой боли не причиняет, мучает же лишь одна тугая перевязка, но и к ней начинаю привыкать, впрочем, – ни лихорадки, ни других каких-либо последствий от нашей кувырсколлегии во мне не осталось...»

Из письма императора Николая Павловича к князю Паскевичу [31]

В отличие от своего батюшки, тщедушного и низкорослого Павла I, российский император Николай Павлович Романов отличался отменным здоровьем и атлетическим телосложением. Он имел правильные черты лица и при росте 189 см – широкие плечи и могучую грудь. Даже приближённые сомневались, не носит ли император ради эффектного внешнего вида ватные вкладки под мундиром. Спор разрешил лейб-медик Николая доктор Карель (сменивший в пятидесятые годы на этом посту Н.Ф. Арендта), обследовавший приболевшего императора.

«Теперь, когда мне пришлось подвергать его перкуссии и аускультации, – писал Карель, – я убедился, что всё своё, природное...» [32]

О темпераменте Николая вообще говорить не приходится: об этом прекрасно знала придворная когорта фрейлин, которая после интимного общения с «Дон-Кихотом самодержавия» с лёгкой руки последнего выдавалась за князей, графов и просто знатных (пусть и не

всегда молодых) вельмож. Ну а об уникальной эротической коллекции живописи, собранной сладострастным монархом, мечтали лучшие галереи мира. Впрочем, это – так, к слову.

О волокитстве Дантеса вскоре стало известно и при Дворе (наверняка кто-то нашептал императрице). Николай сделал вид, что новость ему не интересна, хотя на самом деле это было не так: очаровательная Натали царю нравилась. И он очень не любил, когда вокруг понравившейся ему женщины увивались навязчивые хлыщ, компрометируя не только себя, сколько даму. Поэтому настойчивость француза Николая Павловича, этого выдавшего вида бонвивана, слегка раздражала. «Играть можно – но не заигрывать!» – не раз говорил он. И был прав. Натали заигралась.

Хотя в последнее время императору было не до чих-то шашней – всё чаще и чаще Николай беспокоили головные боли. Не помогли ни анисовые капли, ни холодные примочки. Давала знать недавняя травма...

Проблемы со здоровьем по-настоящему у Николая Павловича начались вскоре после того, как он присягнул на императорский трон. К приступам мигрени, не дававшим покоя с юности, ещё прибавились сильные боли в темени. В ночь с 9 на 10 ноября 1829 года в одном из залов Зимнего дворца с грохотом рухнула на пол большая китайская фарфоровая ваза. Выйдя на шум, Николай поскользнулся на паркете и упал навзничь. Падение оказалось неудачным: царь сильно ударился головой о стоявший поблизости шкаф, потеряв на какое-то время сознание. Никем не замеченный, самодержец пролежал на полу не менее четверти часа. Несколько дней, проведённых в постели под наблюдением опытных докторов, помогли восстановиться; правда, не полностью: отныне головные боли беспокоили императора почти постоянно.

Через несколько лет – очередное происшествие, едва не ставшее для Николая фатальным. В конце августа 1836 года проездом из Пензы в Тамбов недалеко от местечка Чембара¹⁹ на середине горы кучеру не удалось сдержать лошадей, и те понесли. В результате экипаж опрокинулся набок. Царственный пассажир получил множественные ушибы, при этом оказалась сломана ключица. Пострадал и сидевший рядом А.Х. Бенкендорф; но больше всех досталось камердинеру, сидевшему вместе с кучером на козлах. Ему-то первому по указанию царя и оказывалась помощь.

Перевязку императору сделал уездный доктор Цвернер, причём настолько удачно, что дело быстро пошло на поправку. Дабы не обидеть местного лекаря, Николай согласился провести пару недель в уездном училище под наблюдением заботливого Цвернера. И результат не заставил себя ждать: кость срослась вполне благополучно²⁰.

А вот головные боли остались...

* * *

Незаметно пролетело ненастное лето. Сентябрьские затяжные дожди возвестили о приходе осени...

11 сентября 1836 года Кавалергардский Ея Величества полк, покинув Новую Деревню, вернулся на зимние квартиры, расположенные на Шпалерной улице. 12 сентября Пушкины выехали с дачи на Каменном острове и поселились «на Мойке близ Коношенного мосту в доме княгини Волконской».

Летние дачные балы заметно сблизили Натали и Дантеса. И щепетильные ценители мазурки и котильона это отметили первыми. Хотя приёмному сыну посланника балы уже оказали важную услугу; оставалось лишь закрепить занятые позиции. В «карамзинском

¹⁹ Ныне г. Белинский Пензенской области.

²⁰ В благодарность доктору царь пожаловал ему дорогой перстень стоимостью 2000 рублей и отблагодарил деньгами – 3000 рублями серебром. Кроме того, 5000 рублей Николай пожертвовал в пользу уездной больницы.

кругу» Дантеса теперь хорошо знали, с ним считались; и это притом, что по-русски француз не знал ни бельмеса, предпочитая с «ультрафешенеблями» общаться исключительно на родном языке, благо прекрасное образование «фешенеблей» позволяло им хорошо понимать собеседника и свободно разговаривать. Одним словом, в обществе француз стал душой общества и при этом никого не тяготил. За единственным исключением – поэта Пушкина.

Ещё с весны Александр Сергеевич стал замкнут и нервозен. Иногда, пристально глядя на жену сбоку, как бы на миг окаменевал, мучимый тягостными мыслями. Пушкин ревновал. Причём чрезвычайно болезненно. Лишь познавший муки ревности знает, какие страдания приносит эта несносная садистка. Справедливости ради следует заметить, что основания для ревности на самом деле были. Натали была слишком молода и неискушённа в таких деликатных вопросах, как неприкрытое ухаживание стороннего мужчины. Дантес же действовал нагло и самоуверенно, полагая, что ещё немного – и крепость падёт, как это обычно бывало с прочими замужними дамами.

Константин Данзас:

«И барон Геккерен, и усыновленный барон Дантес вели жизнь совершенно светскую – рассеянную. Часто посещали дома Пушкиных, Карамзиных, князя Вяземского. Но после одного из балов на минеральных водах, где были госпожа Пушкина и барон Дантес, по Петербургу разнеслись слухи, что Дантес ухаживает за женой Пушкина. Слухи эти долетели до самого Александра Сергеевича, который перестал принимать Дантеса» [33].

Пушкин всё видел и всё прекрасно понимал. Но эти чудовищные слухи сводили его с ума. Дантеса уже было не остановить. Будто нарочно, он старался появляться там, где находились Пушкины, преследуя чету, как некая злоедающая тень. А так как Дантесу-Геккерену был хорошо известен круг друзей и знакомых поэта, быть «тенью» оказывалось не так уж и сложно.

Из письма Софьи Николаевны Карамзиной, 19 сентября 1836 года:

«...Среди гостей были Пушкин с женой и Гончаровыми (все три ослепительные изяществом, красотой и невообразимыми талиями), мои братья, Дантес... Получился настоящий бал, и очень веселый, если судить по лицам гостей, всех, за исключением Александра Пушкина, который все время грустен, задумчив и чем-то озабочен... Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же штуки, что и прежде, – не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой, в конце концов, все же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них, в дверях, молчаливый, бледный и угрожающий...»[34]

Пушкин раздражён и даже растерян. По сути, он на грани истерики. Ведь нужно было быть просто слепцом, чтобы не замечать, как за его (его!) женой открыто волочитесь «какой-то шаромыжник» – то ли д'Антес, то ли Геккерен – чёрт бы их побрал, этих шельм!..

Его воротит и от друзей, и от знакомых, не говоря уж о французе. Да, он целиком и полностью доверяет своей жене, не допуская мысли о каких-либо шашнях между Натали и этим «шаромыжником»²¹. Слухи – всего лишь слухи. Бред! Но... Но сердце вновь и вновь сжималось от стальных тисков, а голову заволакивал туман. Мука!..

И всё же Пушкин продолжает верить жене; и даже отпускает одну на балы. Хотя от этого ещё тяжелее. Ведь она не одна: где Натали – там обязательно Дантес! Петербург

²¹ Шаромыжник – популярное в те годы прозвище иностранцев, в частности французов. Истоки следует искать в 1812 году, когда «Великая» наполеоновская армия, измученная холодами и партизанами, превратилась в толпу обмороженных и голодных оборванцев. Встретив русских крестьян, они просили чего-нибудь поесть, обращаясь к ним «cher ami» («мой дорогой»); на русский лад – «шер ами», откуда и «шаромыжник».

гудит. Всё громче и громче. А ведь для ревнивого мужа и шёпот – гудок! Колокольный звон, набат!..

От происходящего поэт лишается покоя. Волокитство французика уже всем бросалось в глаза; слыши слащавый голос ловеласа, хотелось ощущать в руке стальную рукоять пистолета. А она! Хороша кокетка! Похоже, окончательно увлеклась...

Графиня Фикельмон, январь 1837 года:

«Она веселилась от души... пока один француз по фамилии Дантес, кавалергардский офицер... не стал за ней ухаживать. Он был влюблён в течение года... живо ею восхищаясь... Но он постоянно встречал её в свете, и вскоре... стал более открыто проявлять свою любовь... То ли одно тщеславие госпожи Пушкиной было польщено и возбуждено, то ли Дантес действительно тронул и смутил ее сердце, как бы то ни было, она не могла больше отвергать или останавливать проявления этой необузданной любви. Вскоре Дантес, забывая всякую деликатность... вопреки всем светским приличиям, обнаружил на глазах всего общества проявления восхищения, совершенно недопустимые по отношению к замужней женщине. Казалось при этом, что она бледнее и трепещет под его взглядами, но было очевидно, что она совершенно потеряла способность обуздывать этого человека и он был решителен в намерении довести ее до крайности» [35].

Вот ещё один очевидец – князь Пётр Вяземский:

«В зиму 1836–1837 года мне как-то раз случилось пройти несколько шагов по Невскому проспекту с Н.Н. Пушкиной, сестрой её Е.Н. Гончаровой и молодым Гекерном; в эту самую минуту Пушкин промчался мимо нас как вихрь, не оглядываясь, и мгновенно исчез в толпе гуляющих. Выражение лица его было страшно. Для меня это был первый признак разразившейся драмы. Отношения Пушкина к жене были постоянно дружеские, доверчивые до конца его жизни. В реляциях отца моего к друзьям видно, что это невозмутимое спокойствие по отношению к жене и вселяло в нее ту беспечность и беззаботность, с которой она относилась к молодому Гекерну после его женитьбы» [36].

В первых числах ноября 1836 года Мария Барятинская на предложение руки и сердца ответила Дантесу отказом...²²

* * *

Жорж Дантес был взбешён! Надо же, эта дурнушка Мари возьми и откажись... И шут бы с ней, но и с Натали – такой близкой и такой далёкой, – тоже ничего не получалось. Теперь понятно, что Пушкина просто издевалась. Лишь кокетничала. И в то же время держала его на коротком поводке, продолжая одаривать благосклонностью. Не отталкивала – уже хорошо. Когда не отталкивают – всегда есть шанс надеяться. И француз выжидал, не стесняясь ни мужа, ни окружающих...

В самый ответственный момент в интригу вмешался «верный друг» Геккерен-старший, взявший на себя рискованное объяснение. Произошло это в конце октября на каком-то из вечеров. Дантес в то время болел (у него было обострение плеврита), однако посланник заявил Пушкиной, что его сын «умирает из-за неё», поэтому, исходя из фабулы голландца, молодого человека следовало спасать. И чтобы это сделать, замужней даме надлежало... «изменить своему долгу».

²² Княжна Мария Ивановна Барятинская (1818–1843) вскоре выйдет замуж за князя Михаила Фёдоровича Кочубея, корнета Кавалергардского полка.

Вмешательство посланника не было случайным. Как мы помним, он всегда появлялся в самые трудные моменты жизни «сынка» – в те самые моменты, когда вопрос можно было уладить уговорами, обещаниями, посулами, деньгами и даже угрозами. Всё это указывает лишь на одно: незадолго до этого между Дантесом и Натали произошло окончательное объяснение, точкой в котором, надо думать, стало слово «нет». Потому-то поведение посланника возмутило Наталью Николаевну до глубины души. Мало того, что посторонний человек вмешивался в личную жизнь замужней женщины, так ещё и открыто склонял её к супружеской измене! Было ещё одно: Геккерен-старший, которого знали при дворе, был чуть ли не вдвое старше Натали, и грязное предложение сильно напугало Пушкину. Она оказалась оскорблена и испугана одновременно. Женищине вдруг со всей ясностью стало понятно, в какой ловушке она оказалась. Ведь рассказать всё мужу значило бы изначально сознаться в измене, которую та не совершала! Геккерены загнали бедняжку в почти безвыходное положение. В шахматах это называется пат. Будучи опытным «шахматистом», Геккерен-старший не желал ограничиться патом: его устраивала только победа. Мат!

Наивная Натали! Она ни о чём не догадывалась. Откуда ей было знать, что произошедшее – искусно подстроенная западня...

Александр Карамзин – брату Андрею, 13 марта 1837 года:

«...Дантес был пустым мальчишкой, когда приехал сюда, забавный тем, что отсутствие образования сочеталось в нем с природным умом, а в общем – совершенным ничтожеством как в нравственном, так и в умственном отношении. Если бы он таким и оставался, он был бы добрым малым, и больше ничего; я бы не краснел, как краснею теперь, оттого, что был с ним в дружбе, – но его усыновил Геккерен, по причинам, до сих пор еще совершенно неизвестным обществу (которое мстит за это, строя предположения). Геккерен, будучи умным человеком и утонченнейшим развратником, какие только бывали под солнцем, без труда овладел совершенно умом и душой Дантеса, у которого первого было много меньше, нежели у Геккерена, а второй не было, может быть, и вовсе. Эти два человека, не знаю, с какими дьявольскими намерениями, стали преследовать госпожу Пушкину с таким упорством и настойчивостью, что, пользуясь недалекостью ума этой женщины и ужасной глупостью ее сестры Екатерины, в один год достигли того, что почти свели ее с ума и повредили ее репутации во всеобщем мнении. Дантес в то время был болен грудью и худел на глазах. Старик Геккерен сказал госпоже Пушкиной, что он умирает из-за нее, заклинал ее спасти его сына, потом стал грозить мстью; два дня спустя появились анонимные письма. (Если Геккерен – автор этих писем, то это с его стороны была бы жестокая и непонятная нелепость, тем не менее люди, которые должны об этом кое-что знать, говорят, что теперь почти доказано, что это именно он!)» [37].

1 ноября 1836 года у Александра Пушкина было приподнятое настроение. В этот день он должен был читать друзьям готовившийся к печати свой роман «Капитанская дочка». В связи с тем, что было воскресенье, на чтении обещал присутствовать и находившийся в Царском Селе при наследнике Василий Андреевич Жуковский, друг и большой почитатель творчества поэта²³. Пушкину было важно услышать мнение товарищей, слишком много сил он вложил в этот роман. А потому волновался.

Впрочем, все опасения автора оказались напрасны – роман был принят с восторгом!

²³ Жуковский, Василий Андреевич (1783–1852); поэт, наставник великого князя и наследника престола Александра Николаевича Романова (будущего императора Александра II).

П.А. Вяземский: «Пушкин читал у меня новый роман “Капитанская дочка”, повесть из времени пугачёвщины. Много интереса, движения, простоты. Он будет весь напечатан в № 4 “Современника”»[38].

Пушкин был счастлив!

Тот день станет последним счастливым днём в его жизни...

* * *

Князь П.А. Вяземский (из «Старой записной книжки»):

«И овцы целы, и волки сыты, было в первый раз сказано лукавым волком, или подлой овцой, или нерадивым пастухом. Счастливо то стадо, вокруг коего волки околевают с голода. [...]»

*Е*** говорит, что в жизни должно решиться на одно: на жену или на наемную карету. А если иметь ту и другую, то придется сидеть одному целый день дома без жены и без кареты» [39].*

Считается, «точкой кипения», переполнившей чашу терпения Пушкина и заставившей его драться с Дантесом, послужило свидание его супруги с французом, якобы состоявшееся незадолго до рокового поединка. И в этой связи следует отметить два обстоятельства. Во-первых, свидание действительно имело место быть. И во-вторых, состоялось оно не накануне дуэли, а намного раньше. Мало того, даже известна дата этого свидания – 2 ноября 1836 года[40].

Произошло что-то серьёзное? Произошло. И эта тайная история напрямую связана с именем одной дамы – Идалии Полетики²⁴.

Красавица Идалия (ур. Оботей), как поговаривали, являлась побочной дочерью графа Г.А. Строганова, согрешившего в годы бурной молодости с некой Юлианой да Ега. По линии бабки она была троюродной сестрой Гончаровым, поэтому в семье Пушкиных Полетика принимали на правах своей. По крайней мере, здесь её всегда воспринимали как искреннего друга. Так было до тех пор, пока отношения между Пушкиным и Дантесом не вылились в открытую вражду. И в этом поединке Идалия Полетика выбрала сторону французца. Не исключено, чашу весов перевесило то обстоятельство, что муж последней, полковник Кавалергардского полка, являлся приятелем Дантеса. Как бы то ни было, поведение дальней родственницы очень напоминает предательство, истоки которого до конца не выяснены и поныне.

Хотя предположения имеются. Например, доподлинно известно, что, будучи неравнодушна к Пушкину, она так и не смогла стать его любовницей, в то время как Дантес, повеса, не обременённый семейными обязательствами, легко увлёк дамочку в канаве, сделав преданным союзником в борьбе с неприступной четой. И Полетика не подвела.

Месть униженной женщины порой бывает страшнее стилета. В случае с Пушкиным мечь оказалась поистине фатальной...

Несмотря на то что в этой тёмной истории много неясного, канва событий такова. Полетика пригласила Наталью Николаевну к себе на квартиру (находившуюся в казармах на территории Кавалергардского полка). Когда та явилась, хозяйки дома не оказалось, зато гостью поджидал кое-кто другой... Далее предоставим слово тем, кто знал об этом не понаслышке, а, скорее всего, от самой Пушкиной.

Из письма барона Фризенгофа (мужа сестры Натали – Александры Николаевны) от 14 марта 1887 года: «...Ваша мать получила однажды от 2-жи Полетики приглашение посе-

²⁴ Наст. Полетика.

тить ее, и когда она прибыла туда, то застала там Геккерна вместо хозяйки дома; бросившись перед ней на колена, он заклинал ее о том же, что и его приемный отец в своем письме. Она сказала жене моей, что это свидание длилось только несколько минут, ибо, отказав немедленно, она тотчас же уехала» [41].

Почти то же самое рассказывала и княгиня В.Ф. Вяземская²⁵:

«Мадам [Полетика] по настоянию Геккерна пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому. Пушкина рассказывала княгине Вяземской и мужу, что, когда она осталась с глазу [на глаз] с Геккерном, тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. По счастью, ничего не подозревавшая дочь хозяйки дома явилась в комнату, и гостя бросилась к ней» [42].

Наталья Николаевна была настолько потрясена случившимся, что поначалу так и не решилась рассказать обо всём мужу. (Со слезами на глазах она смогла об этом сообщить по секрету лишь княгине Вяземской, а чуть позже – и сестре Александре.) Однако шла в мешке не утаишь: вскоре об этом узнал и Пушкин. Трудно передать ту бурю чувств, которая овладела рассерженным мужем. Первыми приняли удар листы писчей бумаги.

Из неотправленного письма Пушкина барону Геккерену:

«...Вы, барон, – Вы мне позволите заметить, что ваша роль во всей этой истории была не очень прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну; всем поведением этого юнца руководили вы. Это вы диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и глупости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, истощенный лекарствами, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней...»[43]

Задуманный Геккеренами «мат» сорвался. Любезность Натали быстро сменилась холодностью. Французу было указано на дверь; Пушкины прекратили все сношения с «шаромыжником». Даже в собственных глазах Дантес оказался унижен и растоптан...

До рокового вызова Дантеса оставалось три месяца...

*** * ***

«...Для министров (не военных), обер-камергеров, гофмаршалов, старших распорядителей, главных виночерпиев... предписанная форма платья предполагает темно-зеленое сукно с красным воротником и соответствующими манжетами. Фасон, используемый в настоящее время, имеет расшитый золотом воротник, манжеты и отделки карманов: широко для упомянутых деталей и по краям, узко на швах и фалдах; на груди вышиты узоры; золотые пуговицы с гербом.

...Для церемониймейстеров, камергеров и камер-юнкеров предписана идентичная форма, но без вышивки на швах. ...Предписана каждодневная форма, со шпагой, подобная парадному мундиру, за исключением того, что вместо вышивки на груди будет столько же шевронов, сколько пуговиц, плюс еще три на рукавах и четыре на фалдах...»

*Из Указа Его Императорского Величества
от 11 марта 1831 г.*

²⁵ Вяземская, Вера Фёдоровна (ур. княжна Гагарина, 1790–1886), княгиня; в 1811 году вышла замуж за П.А. Вяземского.

Братья Аркадий и Клементий Россеты (из рассказов, записанных П.И. Бартеневым):

«В Петербурге жила некая княгиня Наталья Степановна и собирала у себя la fine de la société; но Пушкина не приглашала, находя его не совсем приличным. Пушкин об ней говорил: «Ведь она только так прикидывается, в сущности она русская труперда и толпёга; но так как она все делает по-французски, то мы будем ее звать: là princesse-tolpege»²⁶» [44].

Рассказывая о Наталье Николаевне, невозможно не сказать пару слов о её старших сёстрах – Екатерине и Александре. Так уж вышло, что именно младшенькая, Натали, первой выйдя замуж, уехала в столицу, где заблистала в Аничковом дворце. Она так приглянулась государыне (и государю), что для возможности красавицы появляться на великосветских балах её муж в декабре 1833 года был пожалован в придворное звание камер-юнкера.

Видя такое дело, сёстры Натали – Азинька и Коко – вслед за младшенькой запросились в блистательный Петербург, где, как были уверены, их ждали не только балы, но и выгодные партии. Поэтому, несмотря на протесты строгой маменьки, засобирались к сестричке. Уже осенью 1834 года обе стрекозы поселились под одной крышей с Пушкиными.

Из воспоминаний О.С. Павлицевой (родной сестры поэта):

«...Александр представил меня своим женам: теперь у него целых три. Они красивы, его невестки, но они ничто в сравнении с Натали, которую я нашла очень похорошевшей. У нее теперь прекрасный цвет лица и она чуть пополнела: единственное, чего ей не хватало» [45].

Справедливости ради следует заметить, сёстры сильно уступали в красоте младшенькой. И если старшая, высокая и статная «южанка с чёрными волосами» вскоре будет принята во фрейлины императорского двора (правда, уже после смерти Пушкина, в 1839 году), то средняя, слегка косенькая и с восковой кожей лица в сравнении с Натали, как шептались, являла собой «нечто карикатурное».

Однако у Гончаровых имелаась надёжная опора в лице их тётушки – Екатерины Ивановны Загряжской, – энергичной фрейлины Высочайшего двора, заменившей племянницам добродетельную матушку. И это не пустые слова. Достаточно прочесть одно из писем Александра Сергеевича (от 21 сентября 1835 г.), чтобы понять, какую роль Загряжская играла в доме поэта, которого финансовые издержки жены порой доводили до отчаяния: «У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. Всё держится на мне да на тётке. Но ни я, ни тётка не вечны» [46].

Теперь о старшей сестре Гончаровых, Екатерине Николаевне. Будучи незамужней девицей, Коко, как звали её в семье, не была обременена никакими обязательствами, поэтому даже не находила нужным скрывать, что Дантес, с его простотой общения, шутками-прибаутками и весёлыми выходками, ей очень нравится. Игривость француза со старшей сестрой никто не воспринимал всерьёз, ведь подобным образом он вёл себя и с прочими девицами. Возможно, именно поэтому в семье просмотрели главное – зарождающиеся отношения.

Однако Александра Пушкина, как мы понимаем, волновали отношения совсем иного толка – француза и его жены; сама же Наталья Николаевна была уверена, что кроме неё, первой красавицы великосветских балов, претенденток рядом не было, не говоря уж о сестре, всегда отличавшейся целомудренностью. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха: Екатерина страстно влюбилась. А потом стала невольной пособницей лагеря Геккеренов. Она всячески способствовала тайным свиданиям Натали с Дантесом – и всё для того, чтобы лишний раз повидаться с предметом своей любви. И в какой-то момент флирт с французом (ни от кого не скрываемый) перерос в нечто большее, что не удалось углядеть остальным.

²⁶ Буквально – княгиня толпёж. Труперда – толстая, ленивая женщина; толпёга – бестолковая, неотёсанная женщина.

Впрочем, к этим отношениям нам ещё придётся вернуться...

* * *

А потом... Потом наступило 4 ноября.

Этот день стал для Пушкина самым чёрным в его недолгой жизни. По крайней мере, последний год поэта можно с полным правом разделить на период до 4 ноября и после. Тот день дал отмашку роковой дуэли...

В первой половине дня на квартиру на Мойке, 12, было доставлено три конверта без обратных адресов. Это были анонимные письма.

Одно из них, адресованное непосредственно Александру Сергеевичу, около девяти утра вручил хозяину письмоносец. Другое какое-то время спустя принёс посыльный от Елизаветы Михайловны Хитрово²⁷. Всеми уважаемая княгиня (к слову, одна из дочерей фельдмаршала Кутузова), получив странный конверт, тут же его вскрыла и... очень удивилась. В конверте оказался свёрнутый лист, адресованный отнюдь не ей, но А.С. Пушкину. В то утро княгиня как раз писала письмо поэту, в котором выражала собственное мнение по поводу противоречивого стихотворения «Полководец», прославлявшего героя Отечественной войны Барклая-де-Толли. И вот едва она закончила писать, как принесли злополучный конверт.

Преданный друг поэта, княгиня каким-то шестым чувством поняла, что послание – наверняка козни недругов. Любые нападки на любимого поэта она воспринимала как атаку на себя. Женищина достаточно умная, Елизавета Михайловна вложила своё письмо вместе с листком, адресованным Пушкину, в конверт и отправила с посыльным на Мойку.

Ещё один экземпляр пасквиля в то же утро Пушкину доставил В.А. Соллогуб. 23-летний Владимир Соллогуб, начинающий писатель и чиновник в Министерстве внутренних дел, в этот день гостил у своей тётюшки, Александры Ивановны Васильчиковой, на Большой Морской. Именно она, графиня Васильчикова, получила адресованное ей письмо.

– Представьте, милый друг, – рассказывала она племяннику, – я получаю сегодня утром пакет, распечатываю его, а там... там другое запечатанное письмо, на имя Александра Сергеевича Пушкина. И что, скажите на милость, мне теперь с этим письмом делать?..

Соллогуба слова тётюшки сильно взволновали. Дело в том, что с Пушкиным, которого он почти боготворил, молодого графа связывало не простое знакомство. По случайному недоразумению (по крайней мере, так считал сам Соллогуб), он едва не сошёлся с «гением русской словесности» на дуэли. Причём из-за какой-то нелепости, ничего не значащих слов, сказанных молодым человеком в ответ на шутку супруги поэта, Натальи Николаевны, в адрес одной из девушек, покорившей сердце юноши.

– Давно ли вы замужем? – дерзко спросил Соллогуб Натали, давая понять, что замужней даме и самой-то чуть за двадцать.

Но потом его неожиданно понесло, и граф начал разговор о Ленском, искусном танцоре и любимом кавалере императрицы. А вот этого, по всей видимости, делать не стоило. Щепетильный Пушкин в словах сопляка усмотрел грязный намёк и вызвал того на дуэль. Позже сроки поединка были перенесены, а потом конфликт и вовсе удалось замять.

Произошло это в доме Нащокина в Москве, где Пушкин остановился на некоторое время. Когда туда из Твери специально приехал Соллогуб, в доме ещё спали. Боясь сойти за труса, встретив Пушкина, Соллогуб тут же напомнил тому о поединке и стал уточнять, кто будет

²⁷ Хитрово, Елизавета Михайловна (1738–1839), урожденная княжна Кутузова. В первом браке – графиня Тизенгаузен (её муж, флигель-адъютант Фердинанд Тизенгаузен, геройски погиб при Аустерлице; по одной из версий, стал прототипом Андрея Болконского из романа Л.Н. Толстого «Война и мир»). Мать часто здесь цитируемой Долли Фикельмон.

секундантом поэта. Однако, перейдя к разговору о литературе, они быстро отвлеклись, и в конце разговора Пушкин сказал:

– Голубчик, неужели вы думаете, что мне так хочется стреляться? Но что делать... Я имею несчастье быть человеком публичным, а это, знаете ли, похуже, чем быть публичной женищиной...

Сошлись на том, что Пушкина устроит письмо с извинениями в адрес жены.

А потом они стали закадычными друзьями; часто гуляли по Невскому, хрустя на ходу французскими булками (к вящему удивлению местных щёголей), и разговаривали всё о том же – о литературе.

И вот Соллогуб получает загадочное письмо. Как и княгиня Хитрово, он не стал читать послание, адресованное другому лицу, а, вложив его обратно в конверт, немедленно отправился к Пушкину.

Из воспоминаний Владимира Соллогуба:

«...Я отправился к Пушкину и, не подозревая нисколько содержания приносимого мною гнусного пасквиля, передал его Пушкину. Пушкин сидел в своем кабинете. Распечатал конверт и тотчас сказал мне:

– Я уж знаю, что такое; я такое письмо получил сегодня же от Елисаветы Михайловны Хитровой: это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, над безыменным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя – ангел, никакое подозрение коснуться ее не может. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-же Хитровой. Тут он прочитал мне письмо, вполне сообразное с его словами... Он подозревал одну даму, которую мне и назвал» [47].

Во всех трёх конвертах содержались письма одинакового содержания, написанные по-французски, нарочито изменённым почерком. Это был самый настоящий пасквиль – наглый и цинично-оскорбительный.

Вот его содержание: «Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий Капитул, под председательством высокопочтенного Великого Магистра Ордена, его превосходительства Д.Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина заместителем великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь граф И. Борх» [48].

Вот оно как, ро-го-но-сец! Заместитель великого магистра Ордена Рогоносцев... Лучшие сразу – Ванька Каин! А то и Малюта Скуратов вкупе с палачом Сансоном... По крайней мере, было бы легче, терпимее... Ведь как он всегда презирал и смеялся (да нет – хохотал!) над всеми этими нарышкиными и борхами! Обер-егермейстер при Высочайшем дворе Дмитрий Львович Нарышкин... Его дражайшая красавица-супруга, княгиня Мария Антоновна Святополк-Четвертинская, долгие годы являлась официальной фавориткой императора Александра... Титулярный советник граф Иосиф Михайлович Борх, чиновник министерства иностранных дел, был известен тем, что свою жену, графиню Любовь Викентьевну Гольнскую²⁸, совсем не любил, за что та отвечала тем же, почти открыто живя... с кучером. Не смешно ли?..

«Историограф» Ордена... Это о ком – о нём, о Пушкине?! Удар сильный, почти хук слева, поставленный на то, чтобы даже не унижить – уничтожить! И трудился над пасквилем Враг. Изошрённый, непримиримый, низменный. Который, перед тем как нанести смертельный удар, долго готовился. И всё же он, этот вражина, себя, несомненно, выдал. Это человек из близкого окружения; из тех, кто постоянно вертится рядом. Вертится ненавидя. И прекрасно знает, что Пушкин интересуется и пишет об истории. Отсюда и это – «исто-

²⁸ Любовь Викентьевна Борх (умерла в 1866 г.) была родственницей Натальи Николаевны Пушкиной.

риограф». Поэтому догадаться об авторе не составляет труда: он – тот, которого ненавидит сам адресат. Маска сброшена: Дантес!

Как выяснилось позже, подобные анонимки получили ещё как минимум четверо друзей и знакомых Пушкина – Вяземские, Карамзины, Виельгорские, братья Россеты. По убеждению неизвестного анонима, все эти люди, получив письма, должны были, как и Соллогуб, принести их конечному адресату – Пушкину. Однако каждый из них, терзаемый нехорошими предчувствиями, распечатал послание, прочёл и... оставил у себя.

Александру Сергеевичу Пушкину было нанесено публичное оскорбление. То была наглая пощёчина, осмелиться на которую, как он был уверен, мог лишь один человек – Жорж Дантес.

Вечером того же дня Пушкин отправил по почте Геккерену-младшему письмо. Он вызывал француза на дуэль...

Глава II

«...Доказывать нелепость дуэля не стоит, в теории его никто не оправдывает, исключая каких-нибудь бретёров и учителей фехтования, но в практике все подчиняются ему для того, чтоб доказать, черт знает кому, свою храбрость. Худшая сторона дуэля в том, что он оправдывает всякого мерзавца или его почётной смертью, или тем, что делает из него почётного убийцу...»

А.И. Герцен

...С юношеских лет он отличался драчливым и задиристым нравом. И ничего удивительного в том, что, став взрослым, поэт вступал в конфликты не только с теми, кто ему не нравился, но даже с близкими друзьями. Именно эта черта характера делала Александра Сергеевича таким двуликим Янусом, в котором нежная, поэтическая душа уживалась с другой – гневливой и вспыльчивой. По той же причине после выпуска из Лицея Пушкин долго не мог решить, куда ему податься – на штатскую или военную службу. Однако муштра и подневольная жизнь, а также отсутствие на тот момент крупных военных кампаний делали военную службу малоприятной, поэтому с планами стать генералом пришлось распрощаться. Тем не менее это не значило, что для поэта армия являлась каким-то пустым звуком – она незримо постоянно присутствовала рядом с ним. Как минимум – в его воображении:

Мне бой знаком – люблю я звук мечей:
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.

Но по-настоящему ощутить себя военным он мог, если вдруг заваривалась серьёзная каша, связанная с личным конфликтом, решить который был способен поединок.

Дуэль – в переводе с латинского «единоборство, поединок». Самой жестокой из всех видов европейской дуэли всегда считалась русская дуэль, получившая наибольшее распространение в России со второй половины XVIII века и прочно вошедшая в обиход российского дворянства на целое столетие.

В отличие, скажем, от французского поединка, который из-за большой барьерной дистанции в 30–40 шагов носил, скорее, ритуальный характер, русская дуэль была намного серьёзней и драматичней, а основой её являлось абсолютное равенство шансов соперников независимо от общественного положения, звания и чина. Кроме того, если в Европе оскорблённый имел кое-какие преимущества, например выбор оружия или право первого выстрела, то в России, как правило, полагались на жребий: на поле чести, у барьера, каждый имел равные права получить или дать удовлетворение своему противнику, одинаковые шансы пролить свою кровь, отстаивая честь и достоинство.

Русская дуэль – понятие особое. Поединок являлся некой конечной судебной (правильнее было бы сказать – внесудебной) инстанцией, ставившей окончательную точку над «i». В России не было судов Линча – дуэль решала то, что не мог решить ни один суд. И поединок рассматривался как элемент правосудия дворянского сословия, но никак не самосуд. Во главе угла стояла презумпция правоты: выигрывал тот, кто прав. Вина неправого смывалась кровью. Именно поэтому русская дуэль отличалась неслыханной бескомпромиссностью.

К слову, американская дуэль из-за своей безнравственности была далека от русского дуэльного кодекса. Как правило, оскорблённый соперник, желающий удовлетворения, выбирал оружие и имел право выбора некоторых условий дуэли. Получив оружие, соперники чаще всего удалялись в лес, где и начиналась смертельная охота друг на друга. Разрешалось прятаться, подстерегать противника в засаде и даже... стрелять в спину. Вот такие «правила»...

Следует заметить, в николаевской России узаконенного дуэльного кодекса как такового не существовало. Кодекс чести заключался в некой общепринятой традиции, основанной на прецедентах предыдущих поединков, с новыми поправками и дополнениями²⁹. Когда с первым европейским дуэльным кодексом ознакомились русские дуэлянты, они только рассмеялись. По их мнению, настоящим поединком в нём и не пахло: что ни строчка – то очередная насмешка над «истинными правилами», по которым стрелялись в Российской империи.

Взять хотя бы это, основополагающее: «За одно и то же оскорбление удовлетворение можно требовать только один раз...» Насмешка. Русские стрелялись – пока было желание и возможность. Слова смертельно раненного Пушкина при возвращении с дуэли: «Когда попра- вимся, начнём сначала».

Смерть в европейской дуэли изначально исключалась: «Ни в коем случае не должны секунданты предлагать дуэль “на жизнь или смерть” или соглашаться на неё». Русские пока- тывались с хохота: так для чего вообще стреляться?! Ведь в том-то и заключалось истин- ное правосудие, что правый, оставшись в живых, должен был победить. Страх быть убитым уже сам по себе являлся наказанием. А уж там – как судьбе угодно...

Вот ещё одно, связанное с европейским малодушием: «Кто выстрелил, тот должен остановиться и выждать выстрел в совершенной неподвижности».

Как бы не так! В России подобное правило соблюдалось разве что во время поединков с иностранцами. (Это условие было соблюдено при последней дуэли Пушкина с Дантесом.)

И всё же русская дуэль порой напоминала преднамеренное убийство. Так, стрелявший первым рисковал быть расстрелянным в упор. Этому способствовала одна особенность рус- ской дуэли, согласно которой дуэлянт, имевший право на выстрел, мог подозвать выстре- лившего первым (и промахнувшегося) к барьеру и пустить ему пулю буквально в лоб. Именно поэтому бретёры высокого класса никогда не стреляли первыми. Так поступали самые хлад- нокровные, к коим относился и Пушкин. Правда, поэт вместо выстрела частенько отхлё- стывал соперника колкой эпитафией...

В Европе, как уже было сказано, стрелялись с 30–40 шагов. Но опять же – только не русские! В Петербурге открыто смеялись над французами и обычно стрелялись с 8–10 шагов, причём до результата – ранения или смерти. Если отдельные безумцы хотели умереть с особым шиком, они выбирали наиболее отчаянный вид русской дуэли – через платок: про- тивники брались свободной рукой за два противоположных конца обычного платка, по жре- бию выбирали пистолеты, один из которых был заряжен, другой – нет. Потом отдалялись друг от друга на максимально возможное расстояние (как правило, не более 3 шагов) и по команде нажимали на курок. По сути, такой поединок – разновидность «русской рулетки». В народе это называлось «приставить пистолет ко лбу». Правда, подобным образом стре- лялись не так уж часто (и это понятно, ведь как минимум один из дуэлянтов оказывался убитым), зато стреляться с тридцати шагов считалось совсем уж последним делом; такие «дуэлянты» удостаивались насмешек.

²⁹ Специального утверждённого дуэльного кодекса не существовало не только в России, но долгое время и в Европе. Первый подобный кодекс появился в 1836 году во Франции, на которую после революции 1830 года обрушилась настоящая «дуэльная лавина» в виде так называемых журналистских поединков.

Но главное отличие европейской и русской дуэлей заключалось всё же в другом. Европейцы рассматривали поединок как демонстрацию готовности к смерти, в то время как для русских это была реальная готовность умереть. Как результат – показатель дуэльной смертности. Так, в тридцатые-сороковые годы во Франции в результате поединка ежегодно гибли не более шести человек [1]. В России – десятки погибших (Пушкин и Лермонтов в их числе). Для европейца погибнуть на дуэли считалось фатальной случайностью; а вот для русского выжить было большой удачей. И в этом, пожалуй, основное отличие европейского поединка от отечественного...

* * *

Наивно было бы полагать, что русская дуэль была схожа чуть ли не с кулачным боем, где всё решали ловкость, хитрость, изворотливость и, конечно, физическая сила. Ничего подобного! Общих правил, принятых в Европе, придерживались и в России.

Как писал военный следователь русской императорской армии полковник П.А. Швейковский, «поединок есть условленный бой между двумя лицами смертоносным оружием для удовлетворения поруганной чести, с соблюдением известных установленных обычаем условий относительно места, времени, оружия и вообще обстановки выполнения боя» [2].

Такое определение подчёркивало следующие условия поединка.

Во-первых, поединок по своей сути являлся следствием взаимного соглашения, своего рода договора сторон, когда одна из них предъявляла вызов, другая этот вызов принимала.

Во-вторых, поединок – это бой, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами, во время которого противники обменивались ударами (в случае с холодным оружием) или выстрелами. Даже если выстрел следовал лишь с одной стороны (когда, к примеру, у противника пистолет давал осечку), дуэль, как правило, считалась состоявшейся. «Этим условием боя дуэль, в тесном смысле слова, отличается от пари на смерть, от смерти по жребию и т. д.», – пояснял П.А. Швейковский [3].

В-третьих, дуэль подразумевала единоборство (что звучит уже в самом названии поединка) между двумя лицами, один на один, при равенстве шансов каждой из сторон. Последнее означало равенство оружия (его одинаковость) и правил нападения и защиты (одинаковость опасности). Стрелялись за кого-то в исключительных случаях – когда вызываемый был серьёзно болен или находился в преклонном возрасте.

В-четвёртых, если целью дуэли являлось удовлетворение поруганной чести, то средством – смертоносное оружие. И это понятно: отсутствие такого оружия дискредитировало бы дуэль как понятие. Предпочтение отдавали так называемому благородному оружию, к каковым из огнестрельных причислялся гладкоствольный пистолет, а из холодных – сабля, шпага, шашка или палаш.

В-пятых, вызов (устный или письменный) обычно делался через третьих лиц – так называемых секундантов. По французским обычаям, дуэль без свидетелей вообще не считалась таковой [4]. В секунданты избирались лица, не имеющие никакого отношения к скандальному делу, послужившему поводом к поединку; то были пользовавшиеся всеобщим уважением люди. Они же вели переговоры, занимались примирением сторон и распоряжались ходом поединка. К слову, ближайшие родственники не могли быть секундантами.

Секунданты определяли время и обозначали место поединка. Они же заряжали оружие; причём на месте поединка обязательно свидетельствовали это оружие. Потом бросали жребий на оружие и место у барьера. В их же ведении было удостовериться в наличии или отсутствии на груди у противника «предмета, могущего парализовать удар или оказать сопротивление пуле».

Категория лиц, не имевшая права принять участие в поединке: простолюдины, скомпрометировавшие себя ранее лица (ищлеры, а также те, кто когда-либо отказался от дуэли), умалишённые, несовершеннолетние...

Были ещё моменты. Так, опоздание к месту поединка могло рассматриваться другой стороной либо как проявление неуважения, либо – неприкрытой трусости. Поэтому стороны были обязаны прибыть к месту дуэли вовремя. Промедление более 15 минут сверх назначенного срока расценивалось как уклонение от поединка, о чём секунданты составляли соответствующий протокол.

Уклонившийся от дуэли уже не мог считать себя «человеком чести». И вход в определённые круги такому был заказан...

«Я ненавижу дуэли, – говорил Николай I. – Это варварство; на мой взгляд, в них нет ничего рыцарского». Надо думать, император в своих словах был искренен: дуэли он ненавидел. И этому имела своя причина. Личная. Честь офицера и просто порядочного человека в глазах царя была ничем в сравнении с личной преданностью трону вообще и Его Императорскому высочеству в частности. По крайней мере, для Николая это являлось главным. Что до остального – честь, совесть, общественное мнение, – всё это рассматривалось не более чем сантименты...

В 1829 году император официально ликвидировал полномочия офицерских собраний выносить приговоры по делам чести. Суд чести офицеров как таковой канул в Лету. Наступала новая эра – Эра Вседозволенности. Для русского офицерства это означало только одно: любой, совершивший низкий поступок в глазах другого, мог безнаказанно увернуться, оставшись при своём мнении. Дуэль как способ наказания стремительно теряла своё нравственно-воспитательное значение. И тем значимее становилась в обществе.

Сойтись на поединке для русского офицера (и любого порядочного дворянина) являлось не просто поступком, но делом чести, ради которого человек был готов не просто рискнуть, но и сложить голову. И клали! Сотни дворянских сынов из уважаемых семей – Васильчиковы, Воронцовы, Гагарины, Голицыны, Репнины, Толстые... Сколько их полегло не на поле брани, а у дуэльных барьеров! Но иначе они не могли. То была обратная сторона общественного положения: честь требовала жертвы. Кодекс чести считался превыше всего! Уклонившихся от поединка в русском обществе не то что не уважали – частенько таким и руки не подавали. Свою честь следовало отстаивать у барьера...

* * *

Император Николай Павлович не случайно ненавидел дуэли: таким образом он защищал от нелепой смерти не только офицерские ряды, но и членов собственной семьи – наследников и великих князей. Ведь с каждым из них по причине неприязни к царской фамилии можно было вполне «легально» разделаться, вызвав на поединок. Чтобы этого не произошло, Николай категорически запретил цесаревичу и всем родственникам принимать вызовы на дуэли. Именно поэтому отказ любого из Романовых от поединка не считался актом бесчестия, связанным со слабодушием или трусостью.

Правила в августейшей семье были просты: каждый должен был вести себя с приближёнными и прочими подданными так, чтобы ни у кого даже не возникло мысли дерзнуть прислать вызов. На деле же происходило проще – вспыхнувший инцидент тут же заминался. С годами всё это вылилось в хорошо усвоенные правила приличия: Романовых не вызывать!

Но даже при таком положении вещей случались досадные ситуации. В январе 1869 года, уже в бытность императором сына Николая – Александра II, – произошёл неприятный инцидент.

В Петербург из Америки вернулись офицеры Главного артиллерийского управления подполковник Александр Павлович Горлов и поручик Карл Иванович Гуниус, привезшие образцы ружей, сконструированных оружейником Берданом (знаменитые впоследствии «берданки»). Тогда же они были вызваны на доклад к молодому цесаревичу (речь о будущем царе Александре III). Ружья наследнику не понравились, поэтому он разнёс обоих экспертов. Когда поручик Гуниус попытался было возразить Александру (а уж он-то знал толк в оружии!), тот грубо обругал подчинённого. Откланявшись, офицеры покинули дворец.

Выпускник Михайловского артиллерийского училища и боевой офицер, воевавший против горцев на Кавказе, Гуниус не смог стерпеть обиды. Вскоре цесаревич получил письмо, в котором поручик просил того принести извинения за свою несдержанность. В противном случае, говорилось в послании, не имея возможности вызвать обидчика на дуэль, отправитель письма вынужден будет покончить с собой. Ответа от наследника не последовало. Через двадцать четыре часа поручик Гуниус застрелился.

Император был не на шутку разгневан! Он потребовал от сына публичных извинений семье погибшего, а также приказал тому сопровождать тело погибшего офицера вместе с траурной церемонией до самого кладбища. Приказ отца Александр Александрович исполнил в точности.

Урок не прошёл даром. В последующем «царь-миротворец» вёл себя с подчинёнными более сдержанно; по крайней мере, старался не оскорблять и не унижать своих подданных...

* * *

Князь П.А. Вяземский (из «Старой записной книжки»):

«Мало иметь хорошее ружье, порох и свинец; нужно еще уметь стрелять и метко попадать в цель. Мало автору иметь ум, сведения и охоту писать; нужно еще искусство писать. Писатель без слога – стрелок, не попадающий в цель. Сколько умных людей, которых ум притупляется о перо. У иного зуб остер на словах; на бумаге он беззубый. Иной в разговоре уносит вас в поток живости своей; тот же на бумаге за душу вас тянет. Шаховский, когда хочет вас укусить, только что замуслит» [5].

Александр Сергеевич Пушкин к поединкам относился с исключительным «пиететом»: поэт верил в их справедливый вердикт. Если проследить его путь от Лицея до Кишинёва, то поединки в жизни юного дарования сопровождали его достаточно часто. Исследователи творчества Александра Сергеевича считают, что поэт мог погибнуть гораздо раньше – лет в двадцать; и всё потому, что поединки будто притягивали этого человека. Как-то он вызвал своего товарища, Вилли Кюхельбекера³⁰. Причиной ссоры явилось безобидное на первый взгляд четверостишие:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно...
И стало мне, мои друзья,
Так кюхельбекерно, так тошно.

³⁰ Кюхельбекер, Вильгельм Карлович (1797–1846); лицейский товарищ Пушкина, поэт. С 1822 года служил на Кавказе чиновником по особым поручениям при генерале А.П. Ермолове. Член «Северного общества»; после восстания декабристов бежал, был арестован в Варшаве и заключён в Петропавловскую крепость. В 1835 году был сослан в Сибирь.

Произошло это в восемнадцатом, когда оба поэта были молоды и горячи. Стрелялись на Волковом поле, то ли у кладбищенской сторожки, то ли в полуразрушенном фамильном склепе. Секундантом Кюхельбекера был Антон Дельвиг. Нелепая история, когда по разным сторонам барьера оказались товарищи. «Кюхля» стрелял первым. Когда он стал целиться, Пушкин крикнул:

– Дельвиг, стань на мое место, здесь безопаснее!..

Кюхельбекер разнервничался, рука его дрогнула, он промахнулся.

Одарив друга острой эпиграммой, поэт бросил пистолет и пошёл обниматься. Но «Кюхля» сердито увернулся:

– Стреляй, давай! Стреляй!.. – возмутился он.

Пушкину убивать друга, конечно же, не хотелось. С помощью секундантов насилу удалось убедить упряма, что в ствол пистолета набился снег. С тем и разошлись...

Зато ссора в театре с неким майором Денисевичем едва не закончилась реальным поединком. Но и тут пронесло: в последний момент военный, как ни странно, проявил слабость и в присутствии двух секундантов отозвал свой вызов обратно.

«У Пушкина каждый день дуэли», – писала в марте 1820 года Вяземскому Е.А. Карамзина, явно преувеличивая. Тем не менее – не бывает дыма без огня...

В 1817 году известный дипломат и литератор Александр Грибоедов оказался втянут в неприятную и громкую историю, связанную с дуэлью, которую позже назовут «четверной». Для самого писателя история оказалась особенно неприятной потому, что именно он стал причиной возникновения скандала.

Прелюдия такова. Дипломат как-то привёз на квартиру своего приятеля графа Завадовского некую танцовщицу Истому. Девушка провела в доме графа не час и не два, а целых двое суток, что, в общем-то, являлось вполне обычным делом в отношениях между молоденькими актрисками и их покровителями не самой первой свежести. И всё бы ничего, если бы эта самая танцовщица не имела ревнивого любовника в лице Василия Шереметева, штаб-ротмистра Кавалергардского полка. Прознав о связи Истомы с Завадовским, Шереметев вызвал графа на дуэль. Секундантом Завадовского вызвался Грибоедов, Шереметева – некто Александр Якубович, корнет лейб-уланского полка.

Как вспоминал свидетель дуэли, доктор Ион, «Грибоедов и не думал ухаживать за Истомой и метить на ее благосклонность, а обходился с ней запросто, по-приятельски и короткому знакомству. Переехавши к Завадовскому, Грибоедов после представления взял по старой памяти Истому в свою карету и увез к себе, в дом Завадовского. Как в этот же вечер пронохал некто Якубович, храброе и буйное животное, этого не знают. Только Якубович толкнулся сейчас же к Васе Шереметеву и донес ему о случившемся...»

Условия дуэли были жесточайшими. С самого начала стало ясно, что поединок будет фатальным и закончится трагически.

Из воспоминаний доктора Иона:

«Барьер был на 12 шагах. Первый стрелял Шереметев и слегка оцарапал Завадовского: пуля пробила борт сюртука около мышки. По вечным правилам дуэли Шереметеву должно было приблизиться к дулу противника... Он подошел. Тогда многие стали довольно громко просить Завадовского, чтобы он пощадил жизнь Шереметеву.

– Я буду стрелять в ногу, – сказал Завадовский.

– Ты должен убить меня, или я рано или поздно убью тебя, – сказал ему Шереметев, услышав эти переговоры. – Зарядите мои пистолеты, – прибавил он, обращаясь к своему секунданту.

Завадовскому оставалось только честно стрелять по Шереметеву. Он выстрелил, пуля пробила бок и прошла через живот, только не навyleт, а остановилась в другом боку. Шереметев навзничь упал на снег и стал нырять по снегу, как рыба. Видеть его было жалко. Но к этой печальной сцене примешалась черта самая комическая. Из числа присутствующих при дуэли был Каверин, красавец, пьяница, шалун и такой сорви-голова и бретёр, каких мало... Когда Шереметев упал и стал в конвульсиях нырять по снегу, Каверин подошел и сказал ему прехладнокровно:

– Вот те, Васька, и редька!» [6].

Но на этом, как оказалось, история не закончилась. Ведь в деле с Истоминой были замешаны двое: один (Грибоедов) привёз танцовщицу, другой (Завадовский) с ней развлекался. Поэтому ещё до первой дуэли (Завадовского с Шереметевым) было решено, что будут драться и секунданты. Отсюда и название – «четверная дуэль».

Однако с этим поединком пришлось повременить. Петербургская дуэль закончилась трагически. Смертельно раненного поручика Шереметева пришлось везти в город (через сутки он скончается). Увидев умирающего товарища, Якубович стреляться отказался, тем более что следовало немедленно сопровождать раненого.

Продолжение «четверной дуэли» состоялось лишь в следующем году, в Грузии, куда разжалованный Якубович был выслан за тот самый поединок (после тяжёлого ранения товарища с досады выстрелил по Завадовскому, прострелив тому иляпу). Там-то он вновь и встретил Грибоедова. Ненависть офицера за погибшего товарища была столь велика, что он решил выместить её на секунданте. И Александр Сергеевич понимал, что поединок для него может закончиться весьма плачевно – если не смертью, то уж тяжёлым увечьем точно.

«Это был замечательный тип военного человека, – вспоминал о Якубовиче Пётр Каратыгин³¹. – Он был высокого роста, смуглое его лицо имело какое-то свирепое выражение; большие черные навывкате глаза, словно налитые кровью, сросшиеся густые брови; огромные усы, коротко остриженные волосы и черная повязка на лбу, которую он постоянно носил в это время, придавали его физиономии какое-то мрачное и вместе с тем поэтическое значение» [7].

Поначалу стреляться собирались без секундантов. Якубович попросил своих товарищей, Муравьёва и Унгерна, быть просто свидетелями: во-первых, засвидетельствовать ход дуэли; а во-вторых, в случае необходимости оказать помощь раненому. Было ещё третье: раз поединок планировался «до крови», в таком случае наказанию могли быть подвержены как дуэлянты, так и секунданты. А при официальном отсутствии таковых их нельзя было наказывать. Однако под давлением секунданта Грибоедова, его сослуживца Амбургера, условия дуэли были изменены: секундантом Якубовича стал Муравьёв.

Николай Муравьёв³²: «Я предлагал драться у Якубовича на квартире, с шестью шагами между барьерами и с одним шагом назад для каждого; но секундант Грибоедова на то не согласился, говоря, что Якубович, может, приметался уже стрелять в своей комнате... 23-го я встал рано и поехал за селение Куки отыскивать удобного места для поединка. Я нашел Татарскую могилу, мимо которой шла дорога в Кахетию; у сей дороги был овраг, в котором можно было хорошо скрыться. Тут я назначил быть поединку. Я воротился к Грибоедову в трактир, где он остановился, сказал Амбургеру, чтобы они не выезжали прежде моего возвращения к ним, вымерил с ним количество пороку, которое должно было положить в писто-

³¹ Каратыгин, Пётр Андреевич (1805–1879) – русский драматический актёр и драматург, автор многих пьес и водевилей. Младший брат выдающегося актёра-трагика Василия Каратыгина.

³² Муравьёв (Карский), Николай Николаевич (1794–1866), русский военачальник, дипломат и путешественник. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов 1813–1814 гг., русско-персидской и Русско-турецкой войн 1826–1829 гг. В 1854–1856 гг. – наместник Кавказа и главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом; член Государственного совета. За взятие Карса во время Крымской войны стал называться «Карский». (К слову, позже Карс будет отдан туркам за возврат союзниками Севастополя.)

леть, и пошел к Якубовичу... Мы назначили барьеры, зарядили пистолеты и, поставя ратоборцев, удалились на несколько шагов. Они были без стуртиков. Якубович тотчас подвинулся к своему барьеру смелым шагом и дожидался выстрела Грибоедова. Грибоедов подвинулся на два шага; они постояли одну минуту в сем положении. Наконец Якубович, вышедши из терпения, выстрелил. Он метил в ногу, потому что не хотел убить Грибоедова, но пуля попала ему в левую кисть руки. Грибоедов приподнял окровавленную руку свою, показал ее нам и навел пистолет на Якубовича. Он имел все право подвинуться к барьеру, но, приметя, что Якубович метил ему в ногу, он не захотел воспользоваться предстоящим ему преимуществом: он не подвинулся и выстрелил. Пуля пролетела у Якубовича под самым затылком и ударилась в землю; она так близко пролетела, что Якубович полагал себя раненым: он схватился за затылок, посмотрел на свою руку, – однако крови не было» [8].

Как позже признается сам Грибоедов, намерения прострелить голову соперника у него вовсе не было; он пытался поразить плечо Якубовича, в которое и целился. Но, как известно, «пуля-дура», поэтому недруг лишь чудом избежал смерти.

«Свою» пулю Александр Якубович словит позже, во время столкновения с горцами на Кавказе: «пуля, ударив в лоб, прошла над правым глазом через весь череп». Однопольчане поначалу думали, что смельчака убило наповал, однако тот чудесным образом выжил.

Всеобщую же известность этот человек получит не как секундант и напуганный дуэлянт, но как заговорщик, якобы планировавший покушение на самодержца (на деле же Якубович оказался не более чем болтливым рассказчиком с богатым воображением). Финал прозаичен: сибирская каторга и бесславная смерть...

Известно, что Пушкин встречался с Грибоедовым и долго с ним беседовал. Говорили они и о напуганной «четверной дуэли». Именно эти беседы изменили отношение поэта к Якубовичу, который ранее представлялся ему в романтическом ореоле.

После трагической гибели в 1829 году в Тегеране дипломатической миссии во главе с А.С. Грибоедовым Пушкину суждено будет встретить скорбную процессию, сопровождавшую тело дипломата в Петербург. Вскоре после этого появятся первые наброски пушкинского «Выстрела», где один из героев будет очень напоминать Якубовича.

Дуэль и дуэльный кодекс постепенно занимают важное место в жизни и творчестве писателя. «Дуэль – возмездие, дуэль – наказание» и есть жизненное кредо самого Пушкина.

* * *

В девятнадцатом поэт вызвал на дуэль лицейского приятеля барона Модеста Корфа, к тому времени – служащего по министерству юстиции³³. Корф всегда относился к Пушкину с некой почтительной осторожностью. И его воспоминания об однокласснике говорят сами за себя:

«Вспыльчивый до бешенства, с необузданными африканскими (как его происхождение по матери) страстями, вечно рассеянный, вечно погруженный в поэтические свои мечтания, избалованный от детства похвалою и льстецами, которые есть в каждом кругу, Пушкин ни на школьной скамье, ни после, в свете, не имел ничего привлекательного в своем обращении. Беседы ровной, систематической, связной у него совсем не было; были только вспышки: резкая острота, злая насмешка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль, но все это только

³³ Корф, Модест Андреевич (1800–1876), барон. Одноклассник Пушкина по Царскосельскому лицей; с мая 1831 года управляющий делами Комитета министров; в дальнейшем – высокопоставленный государственный чиновник, историк, мемуарист.

изредка и урывками, большей же частью или тривиальные общие места, или рассеянное молчание, прерываемое иногда, при умном слове другого, диким смехом, чем-то вроде лошадиного ржания» [9].

В этот раз причина, на первый взгляд, была ничемная: Никита Козлов, слуга поэта, напившись в стельку, в прихожей Корфа учинил скандал и разодрался с камердинером хозяйина, за что последний, дабы не буянил почём зря, дебошира хорошенько отмутил. Козлов пожаловался Пушкину. Поэт вспылил и предложил барону разобраться у барьера. В ответ Корф заметил:

– Вашего вызова из-за такой безделицы не принимаю. И не потому, что вы Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер...

Пушкин оскорбился ещё больше, но потом они всё-таки помирились...

У Пушкина было своё собственное видение чести русского дворянина. Такой вывод можно сделать, ознакомившись с одним его письмом, адресованным некоему г-ну Дегильи, уклонившемуся от дуэли. Вчитаемся, постараемся в каждой строке письма разглядеть нечто большее, нежели простое обращение к трусоватому французу:

«К сведению г-на Дегильи, бывшего французского офицера. Недостаточно быть трусом, нужно еще быть им в открытую.

Накануне паришовой дуэли на саблях не пишут на глазах у жены слезных посланий и завещания; не сочиняют нелепейших сказок для городских властей, чтобы избежать царапины; не компрометируют дважды своего секунданта.

Все, что случилось, я предвидел заранее и жалею, что не побился об заклад.

Теперь все кончено, но берегитесь.

Примите уверение в чувствах, какие вы заслуживаете.

Пушкин. 6 июня 1821.

Заметьте еще, что впредь, в случае надобности, я сумею осуществить свои права русского дворянина, раз вы ничего не смыслите в правах дуэли».

Всё ясно, настоящий дворянин никогда не станет уклоняться от поединка. Подобное – прерогатива исключительно труса. В этом-то, по мнению поэта, и заключался внутренний стержень «истинного дворянина», человека чести. И он, этот стержень, есть право дворянина: вопреки государственным запретам иметь возможность вызвать на дуэль другого дворянина. Таким образом, человек чести имел право на дуэль и не мел такого права от неё уклониться. Сказанное – квинтэссенция дуэльного кодекса русского дворянина, или человека чести, которым руководствовался Александр Пушкин.

Право дуэли уравнивало богатого и бедного, знатного и не очень, генерала и поручика, министра и простого чиновника. При условии, что каждый из них дворянин.

«Право на поединок, – писал Я. Гордин, – стало для русского дворянина свидетельством его человеческого раскрепощения. Право на поединок стало правом самому решать – пускай ценой жизни – свою судьбу. Право на поединок стало мерилom... общественной ценности личности. Оказалось, что для нового типа дворянина самоуважение важнее жизни. [...] Право на дуэль всю жизнь оставалось для Пушкина гарантией окончательной независимости, последней, но незыблемой опорой... Дуэль оказалась для Пушкина узаконенной требованиями чести формой мятёжа с оружием в руках» [10].

Для чего Пушкину нужны были все те ничемные, на первый взгляд, дуэли? Ведь он никого не убил. И даже (кроме Дантеса) никого не ранил! Хотя в двадцатые годы между Пушкиным-бретёром и Пушкиным-поэтом знавшие его смело ставили знак равенства. Отгадка проста: Пушкин-дворянин стремился защитить в себе человека «дворянского авангарда». Пер-

вый поэт России не мог быть дворянином-посредственностью. Первый поэт обязан был быть человеком чести.

Ничтожного камер-юнкера мог обидеть каждый. А вот Пушкина – далеко не любой. Мало того, многие его откровенно побаивались. Ничего удивительного: ведь трусливый и подлый сильно рисковал быть вызванным к барьеру. А русская дуэль, как мы теперь понимаем, требовала людей особого свойства, коих с каждым годом становилось всё меньше и меньше. Общество тянется к некоему стандарту, и его зачастую раздражают бунтари и всякого рода гордецы-одиночки, для которых понятия «достоинство» и «честь» не пустые слова. Гораздо проще было иметь дело с теми, кто попроще и для которых вызов на дуэль считался почти самодурством.

Для Пушкина же дуэль с годами стала своего рода способом выражения борьбы со всем несправедливым и подлым. «Этому малому – умереть на дуэли», – шептались за спиной современники. И об этих переищёптываниях поэт прекрасно знал. Как знал и другое, о чём прочие даже не догадывались: умереть на дуэли являлось его самой заветной мечтой...

* * *

Князь П.А. Вяземский (из «Старой записной книжки»):

«В одно из своих странствований по России Пушкин остановился обедать на почтовой станции в какой-то деревне. Во время обеда является барышня очень приличной наружности. Она говорит ему, что, узнав случайно о проезде великого нашего поэта, не могла удержаться от желания познакомиться с ним, отпуская различные приветствия, похвальные и восторженные.

Пушкин слушает их с удовольствием и сам с нею любезничает. На прощанье барышня подает ему вязанный ею кошелек и просит принять его на память о неожиданной их встрече. После обеда Пушкин садится опять в коляску; но не успел он еще выехать из селения, как догоняет его кучер верхом, останавливает коляску и говорит Пушкину, что барышня просит его заплатить ей десять рублей за купленный им у нее кошелек. Пушкин, заливаясь звонким своим смехом, любил рассказывать этот случай авторского разочарования» [11].

В двадцатом состоялась дуэль поэта с Кондратием Рылеевым, к слову, тоже поэтом³⁴. Инициатором поединка явился Пушкин, воспринявший близко к сердцу слух (пущенный графом Фёдором Толстым), будто «Пушкина высекли в Тайной Канцелярии за оскорбление Государя в стихах». А Рылеев имел неосторожность повторить это в одной из светских гостиных.

Стрелялись с дистанции в пятнадцать шагов. Оба сильно нервничали, особенно Рылеев. Он и выстрелил первым, но промахнулся. Прицелившись в товарища по перу, Пушкин вдруг поймал себя на мысли, что, нажми он на курок, и противник будет повержен. После чего демонстративно... выстрелил в воздух. Расстались довольно холодно.

Один их канонов дуэльного кодекса гласит: «Если кто-либо из дуэлянтов, выстрелив в воздух, успеет это сделать до выстрела своего противника, то он считается уклонившимся от дуэли».

Как видим, от дуэлянта требовалось много выдержки и самообладания. Выстрел в воздух мог обернуться большими неприятностями: бравировавший у барьера по-настоящему рисковал жизнью. Не каждый, над чьей головой пролетала пуля, находил в себе силы не отвечать на выстрел, стреляя в воздух.

³⁴ Рылеев, Кондратий Фёдорович (1795–1826); подпоручик, с 1818 года в отставке. Один из руководителей «Северного общества»; активный организатор восстания декабристов 14 декабря 1825 года. Казнён 13 июля 1826 года.

Александр Бестужев-Марлинский считался признанным «дуэлянтом чести». Было время, его имя гремело по всей империи. Этот бретёр мог вызвать на дуэль из-за сущей безделицы, пустяка. Например, за неосторожно брошенное в свой адрес слово, не говоря уж об откровенном хамстве или прилюдном оскорблении. Тем не менее во время поединка этот сорвиголова вёл себя столь отважно, что иногда казалось, будто своя жизнь для него ничего не значила. По крайней мере, в трёх дуэлях с участием Бестужева после выстрелов противников он отстрелялся в воздух.

Пушкин Бестужевым восторгался! По мнению поэта, такие люди являлись олицетворением кодекса чести, следовать которому надлежало каждому дворянину. Стоит ли говорить, что этот знаток русской дуэли частенько выступал в роли секунданта в поединках, где стрелялись другие.

Очень часто дуэль проявляла истинный характер человека, выставляя напоказ как благородство, так и самые низменные качества.

19 марта 1820 года у барьера сошлись будущий декабрист и герой романа Дюма «Учитель фехтования» корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка Иван Анненков с корнетом лейб-Гусарского полка Владимиром Ланским. Во время бала кавалергард-повеса ради озорства надумал приударить за молоденькой женой Ланского. Последний, возмущённый нахальством «сопляка», вызвал Анненкова на дуэль. Дело не стали откладывать в долгий ящик, решив драться прямо в парке за домом.

Первым стрелял обиженный муж, для которого поединок являлся справедливым актом отстаивания семейной чести. Ничего удивительного, что Ланской выстрелил в воздух, ожидая точно таких же действий и от своего противника. Однако Анненков повёл себя совсем не так, как того ожидали соперник и секунданты: встав к барьеру, он, вытянув руку с пистолетом, долго прицеливался, а потом нажал на курок. Через минуту двадцатилетний Ланской был мёртв. Кавалергард же спокойно покинул место дуэли.

Примечательно, что убийца за своё преступление (будем называть вещи своими именами) не понёс никакого серьёзного наказания. Впрочем, сам Анненков воспринял три месяца гауптвахты как личную обиду на власть, примкнув к декабристам. К слову, четыре года спустя на дуэли погибнет младший брат Ивана Анненкова, Григорий, смерть которого старший не раз называл отмщением свыше за убийство Ланского...

* * *

Начало девятнадцатого века ознаменовалось дуэлями, связанными с семейными делами, называемыми «жениховскими». Суть этих поединков в следующем: когда посватавшийся жених по той или иной причине увиливал от брака, рискуя нанести серьёзный репутационный урон девице, на которой накануне собирался жениться, в ответ на подобную дерзость честь семьи отстаивал кто-либо из ближайших родственников невесты, как правило, один из братьев.

Подобные дуэли отличались неслыханной жестокостью: стрелялись, как правило, до серьёзного ранения, чаще – со смертельным исходом. Причина такой жестокости вполне объяснима: бескровный исход дуэли не решал проблемы.

Бестужев-Марлинский был секундантом в «жениховской» дуэли Кондратия Рылеева с женихом своей сестры. По-видимому, молодой повеса после помолвки попытался уклониться от обязательств. Это и возмутило Рылеева.

Из воспоминаний брата Бестужева – Михаила:

«Дуэль была ожесточенная, на близкой дистанции. Пуля Рылеева ударила в ствол пистолета противника и отклонила выстрел, направленный прямо в лоб Рылееву, в пятку ноги» [12].

К счастью, оба дуэлянта остались живы.

Ещё один пример «жениховской» дуэли.

В декабре 1807 года стрелялись лейб-гвардии Преображенского полка полковник Дмитрий Арсеньев и граф Хрептович. Известный храбрец и герой войн, егерский полковник Арсеньев посватался к фрейлине великой княгини Анны Федоровны Каролине Марии фон Ренни, которая, ответив взаимностью, дала своё согласие на женитьбу. Следует заметить, полковник, помимо храбрости, мог предложить невесте разве что ещё личную порядочность – не более. Потому как, будучи горд и честен и отличаясь скромностью в быту, за душой ничего не имел.

И вот незадолго до назначенной свадьбы девушке делает предложение другой претендент – богатый польский аристократ, некто Хрептович. Девушка Ренни и рада бы дать поляку от ворот поворот, но расчётливая мать убеждает её отказать Арсеньеву в своей руке и принять предложение Хрептовича. В результате Арсеньев вызвал Хрептовича на дуэль.

Секундантом у Арсеньева был граф М.С. Воронцов. В жесточайшем поединке Дмитрий Арсеньев погиб на месте. Петербург был потрясён! Прежде всего произошедшей несправедливостью. Никто не сомневался, что полковник был прав, тем не менее дуэльная рулетка оказалась слепой и жестокой. Хоронили погибшего в присутствии многочисленной молодёжи, открыто осуждавшей «хладнокровного убийцу». Хрептовичу оставалось лишь по-тихому убраться из столицы...

А произошло следующее: несмотря на гибель, Арсеньев вышел победителем, так как его противник оказался опозоренным. И такие дуэли – ради обещания недруга даже путём собственной гибели – окажутся очень популярными в России. Подобная идейность делала русскую дуэль как жестокой, так и справедливой; её непредсказуемость превращала поединок в серьёзное испытание...

* * *

В январе 1822 года Пушкина вызвал к барьеру полковник Семён Старов. Повод: «хамство», увиденное офицером в поступке молоденького поэта, поменявшего на танцах заказанную каким-то подпоручиком кадрили на мазурку. За своего подчинённого вступился сам командир 33-го егерского полка, в отношении которого поэт повёл себя довольно дерзко, что и привело к ссоре.

Боевой офицер, участник Отечественной войны, Старов был серьёзным противником, тем более что за его плечами насчитывался не один кровавый поединок. Условия дуэли определили нешуточными: стреляться до результата. Последнее означало тяжёлое ранение или гибель одного из соперников.

Из воспоминаний генерала Липранди:

«Погода была ужасная; метель до того была сильна, что в нескольких шагах нельзя было видеть предмета, и к этому довольно морозно... Первый барьер был на шестнадцать шагов; Пушкин стрелял первый и дал промах, Старов тоже и просил поспешить зарядить и сдвинуть барьер; Пушкин сказал: "И гораздо лучше, а то холодно". Предложение секундантов прекратить было обоими отвергнуто. Мороз с ветром... затруднял движение пальцев при заряджании. Барьер был определен на двенадцать шагов, и опять два промаха. Оба противника хотели продолжать, сблизив барьер; но секунданты решительно воспротивились, и так как нельзя было помирить их, то поединок был отложен до прекращения метели» [13].

Решено было продолжить в зале дворянского клуба, но стараниями секундантов дело удалось уладить миром. Пушкин был страшно недоволен. Единственным утешением для него стали слова полковника о том, что его противник «так же хорошо стоял под пулями, как хорошо пишет...»

Следует отдать должное Пушкину, хладнокровия и выдержки ему было не занимать. И в этом проявлялся сильный характер. Лучшее всех рассказал об этом всё тот же Иван Петрович Липранди:

«Я знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до исступления; но в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью, при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным, как лед. На моем веку, в бурное время до 1820 года, мне случалось не только видеть множество таких встреч, но не раз и самому находиться в таком положении, а подобной натуры, как у Пушкина, в таких случаях я встречал очень немного» [14].

Как закончил известный бретёр и «человек чести» Кондратий Рылеев, хорошо известно – виселицей в составе пяти организаторов декабрьского восстания 1825 года. Однако незадолго до казни, в сентябре того же года, Рылеев в очередной раз заставил говорить о себе весь Петербург, приняв участие в наигравшейся дуэли.

Сестра подпоручика Семёновского полка Константина Чернова Екатерина влюбилась во флигель-адъютанта Владимира Новосильцева. Как и положено, после определённого периода ухаживания молодой человек просил руки девушки у её родителей (к слову, отец Катеньки был генерал-майором); те дали своё отеческое благословение. О сватовстве Новосильцева заговорили в обществе. Дело шло к свадьбе, когда вдруг заупрямилась матушка жениха, строгая графиня Екатерина Владимировна (из рода Орловых), заявившая, что брать в снохи незавидную невесту не намерена. Да и если пройти по родословной, наставляла она сына, эта Чернова не чета нам, Новосильцевым! Молодой граф матушку почитал, а потому был вынужден пойти на попятную.

«Оба были юноши с небольшим 20-ти лет, но каждый из них был поставлен на двух, почти противоположных, ступенях общества, – писал князь Е.П. Оболенский. – Новосильцев – потомок Орловых, по богатству, родству и связям принадлежал к высшей аристократии. Чернов, сын бедной помещицы Аграфены Ивановны Черновой, жившей вблизи села Рождественна в маленькой своей деревушке, принадлежал к разряду тех офицеров, которые, получив образование в кадетском корпусе, выходят в армию. Переводом своим в гвардию он был обязан новому составу лейб-гвардии Семёновского полка, в который вошло по целому батальону из полков: императора австрийского, короля прусского и графа Аракчеева» [15].

Чернов-младший воспринял поведение Новосильцева явным оскорблением их семьи и вызвал графа на дуэль. Однако тот вызов отклонил, объявив Чернову в присутствии военного генерал-губернатора и некоторых известных особ, что никогда не оставлял намерения жениться на Екатерине. Чернову же ничего не оставалось, как извиниться за свои сомнения в честности графа. В то же время графиня Новосильцева письменно изъявила родителям Чернова согласие на брак своего сына с их дочерью.

Тем не менее дело шло к разрыву. Воспользовавшись своими связями, Новосильцев обратился к фельдмаршалу Сакену, который принудил отца девушки, генерала Чернова, жениху отказать, дабы скандал не вышел за рамки приличия. Однако через какое-то время уже сам Новосильцев вызвал Чернова на поединок, обвинив последнего в распространении слухов относительно насильственного принуждения жениться. Чернов возмущился; Новосильцев же объявил при посредниках, что он женится-таки на его сестре. Но теперь уже Черновы не желали Новосильцева видеть своим зятем. Узнав о письменном отказе отца (как мы помним, под

давлением начальства), подпоручик Чернов сделал Новосильцеву повторный вызов, который был принят.

Чернов являлся двоюродным братом Кондратия Рылеева; кроме того, в его друзьях значился и другой известный бретёр – Александр Бестужев. Ничего удивительного, что эти двое с огромным энтузиазмом взялись за организацию «справедливого» боя. Узнав о предстоящем поединке, в дело вмешался московский генерал-губернатор, после чего дуэль была расстроена. Правда, ненадолго.

Дуэль была назначена на 10 сентября, в шесть утра, на пистолях, за Выборгской заставой.

Условия поединка, как и следовало ожидать, были очень жёсткими:

«Мы, секунданты нижеподписавшиеся, условились:

1) Стреляться на барьер, дистанция восемь шагов, с расходом по пяти.

2) Дуэль кончается первой раной при четном выстреле; в противном случае, если раненый сохранил заряд, то имеет право стрелять, хотя лежащий, если же того сделать будет не в силах, то поединок полагается вовсе и навсегда прекращенным.

3) Вспышка не в счет, равно осечка. Секунданты обязаны в таком случае оправить кремь и подсыпать пороху.

4) Тот, кто сохранил последний выстрел, имеет право подойти сам и подзвать своего противника к назначенному барьеру.

Полковник Герман

Подпоручик Рылеев

Ротмистр Реад

Подпоручик Шипов» [16].

Что ни строчка – то явная опасность для жизни каждого из дуэлянтов. Количество выстрелов не ограничивалось, следовательно, кто-то должен был погибнуть, в лучшем случае – тяжело ранен. Очевидным было и другое: каждый хотел убить соперника.

Стрелялись на три шага. Секундантом Чернова был Рылеев. Сомнений в том, что один из дуэлянтов будет убит, ни у кого не было. По крайней мере, в записке, написанной перед поединком подпоручиком Черновым, вполне определённо говорится следующее:

«...Стреляюсь на три шага, как за дело семейственное; ибо, зная братьев моих, хочу кончить собою на нем, на этом оскорбителе моего семейства, который для пустых толков еще пустейших людей преступил все законы чести, общества и человечества. Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души» [17].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.